

ЭББИ ВАКСМАН

КНИЖНАЯ
ЖИЗНЬ
НИНЫ ХИЛЛ

Бестселлер USA Today

Жизнь прекрасна! (АСТ)

Эбби Ваксман

Книжная жизнь Нины Хилл

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(41)
ББК 84(4Вел)-44

Ваксман Э.

Книжная жизнь Нины Хилл / Э. Ваксман — «Издательство АСТ», 2019 — (Жизнь прекрасна! (АСТ))

ISBN 978-5-17-120389-4

Знакомьтесь, это Нина Хилл: молодая женщина, хороша собой и... убежденная интровертка. Она живет, замкнувшись в своем уютном мирке: работает в книжном магазине, любит все планировать и обожает своего кота по кличке Фил. Когда кто-то говорит, что кроме чтения существует другая жизнь, она просто пожимает плечами и берет с полки новую книгу. Внезапно умирает отец, которого Нина не знала, и тут обнаруживается, что «в наследство» он оставил ей кучу родственников. Она в панике, так как ей предстоит общаться с незнакомцами! Да еще заклятый враг оказывается милым, забавным мужчиной, который очень заинтересован в ней. Это катастрофа! Реальная жизнь гораздо сложнее книжной. Но новая семья, настойчивый поклонник и коктейль из приятных мелочей заставят Нину открыть новую страницу ее уже совсем не «книжной» жизни.

УДК 821.111-31(41)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-120389-4

© Ваксман Э., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эбби Ваксман

Книжная жизнь Нины Хилл

Посвящается моему отчиму Джону, который поздно появился на вечеринке, но остался, чтобы помочь убрать. Всем сердцем тебя люблю и уважаю.

А также всем библиотекарям и продавцам книг, которые в равной степени заботятся о писателях и читателях и каждый день сводят их вместе. Без вас мир был бы намного более одиноким местом.

Abbi Waxman
THE BOOKISH LIFE OF NINA HILL

© 2019 by Dorset Square LLC
© Берёзко Д., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

в которой мы знакомимся с нашей героиней и узнаем, каковы бывают последствия не самого глубокомысленного отношения

Представьте, что вы – птица. Вы можете быть любой птицей, но те, кто выберет страуса или курицу, рискуют за нами не поспеть. Теперь представьте, что вы бороздите небеса над Лос-Анджелесом, периодически откашливаясь от смога. Под вами поблескивают сияющие потоки машин, а в отдалении виднеется яркое изумрудное пятно, словно зеленая заплатка на сером носке. Приблизившись, вы различаете сетку улиц и старых домов – вы достигли Ларчмонта. Поздравляю, вы узнали секрет, известный даже не всем коренным жителям Лос-Анджелеса. Это такой же район, как и любой другой, только он может похвастаться целым лесом деревьев, растущих вдоль извилистых улочек, которые словно целиком перенесли из фильмов Капры. Все эти деревья высажены одновременно в 1920-х годах.

Дома здесь большие, но не помпезные, и у них есть дворiki, отчего улица кажется шире, чем есть на самом деле. Большинство домов и по сей день выглядят так же, как после постройки, благодаря программе сохранения исторических зданий и общему мнению о том, что район чертовски мил. Деревья разрослись, превратившись в поистине прекрасные образчики своей породы: магнолии наполняют округу сладостным ароматом, кедры усыпают асфальт ковром ржавых иголок, а дубы сделали жизненно необходимыми уборку улиц и правила, регулирующие, на какой стороне парковаться.

Вытянутым сердцем района является бульвар Ларчмонт, где находятся всевозможные кафе, рестораны, бутики, лавчонки ремесленников и один из немногих сохранившихся в Лос-Анджелесе независимых книжных магазинчиков. Здесь и работает Нина Ли Хилл, местная незамужняя девица и героиня не только собственной жизни, но и книги, которую вы держите в своих замечательных руках.

Магазинчик «У рыцаря» существует с 1940 года. Дела его идут с переменным успехом, но все же искренняя любовь к книгам и понимание, чего хотят покупатели, держат его на плаву. Он такой, какими должны быть все хорошие независимые книжные магазинчики: в нем работают люди, которые любят книги, читают их, думают о них и продают их таким же людям. Здесь предусмотрен час чтения для маленьких детей. Проходят презентации авторов. Есть бесплатные закладки. Настоящий рай на земле, если рай для вас пахнет бумагой и типографской краской. Для Нины это так, но в тот момент, когда начинается наша история, она охотно вернулась бы в начало книги, где мы все были птицами, и нагадила бы на голову стоящей напротив нее женщины.

Женщина не сводила с Нины взгляда, который можно было охарактеризовать только как воинственный, под звяканье дорогих, культурно апроприированных украшений из бирюзы.

– Я хочу вернуть деньги. Это очень скучная книга: они все время только сидят и разговаривают, – пожаловалась она. Потом перевела дыхание и нанесла последний сокрушительный удар: – Не понимаю, почему ваш менеджер сказала мне, что это классика.

Нина оглянулась в поисках виновницы, которую звали Лиз Куинн. Она слышала отдаленный шорох шелковой ткани в отделе подростковой литературы, где укрылась Лиз. Трусиха! Нина вдохнула ненависть и выдохнула любовь. Потом улыбнулась посетительнице:

– Вы дочитали ее до конца?

Женщина не улыбнулась ей в ответ:

– Конечно.

Значит, она не из тех, кто бросает на полпути, а из тех, кто жалуется.

– Ну, в таком случае мы не можем вернуть вам деньги, – решительно заявила Нина, чувствуя, как поджались ее пальцы в пушистых носках. Посетительнице, конечно, это не было видно, и Нина всей душой понадеялась, что выглядит спокойно и решительно.

– Почему нет? – удивилась посетительница, которая была невысокой, но на этих словах умудрилась на несколько сантиметров вытянуться. Вот когда пилатес окупился.

Нина не поддалась:

– Потому что мы продали вам книгу, и вы ее прочитали. В этом вся суть работы книжных магазинов. Мне очень жаль, что вам она не понравилась, но мы ничего поделать не можем. Вам совсем не понравилось? Это один из величайших романов всех времен.

Нина подавила желание достать воображаемый бластер и снести женщине башку. Но перед ее глазами все же мелькнула та сцена из «Терминатора-2», в которой серебристая голова робота раскалывается и мотается во все стороны. Лиз все время талдычила, что нужно вести себя с посетителями как можно дружелюбнее, ведь ничто не мешает им купить онлайн любую книгу на планете гораздо быстрее, чем магазин «У рыцаря» сможет ее заказать. От Нины требовалось произвести на них такое приятное впечатление, чтобы им захотелось: 1) оставить в магазине деньги и 2) уделить «Рыцарю» больше времени, чем им пришлось бы потратить в «том другом месте». Владельцы независимых магазинчиков называли его Рекой, чтобы не произносить страшное имя вслух. Но, как часто думала Нина, проблема не исчезнет, если притвориться, что дело всего лишь в южноамериканской реке¹.

Женщина поморщилась.

– Не понимаю, почему героиня только и делает, что сидит и смотрит в окно. Если бы я все свое время лишь сидела и размышляла о жизни, точно не добилась бы такого успеха, – решительно заявила она и взмахнула длинными светлыми волосами, тщательно уложенными в небрежные волны. Тут ей в голову пришел новый довод: – Если мне не нравится еда в ресторане, я же могу отправить ее обратно на кухню и получить назад свои деньги.

– Нет, если вы ее уже съели, нет, – в этом Нина была уверена.

– Можно хотя бы поменять на другую?

Нина покачала головой и даже попыталась выдавить улыбку:

– Нет, но я могу дать вам визитку библиотеки. Там вы совершенно бесплатно возьмете любую книгу, прочитаете ее и вернете. Вообще-то здесь рядом есть целых две в пешей доступности.

Она не сомневалась, что Лиз будет счастлива избавиться от такой покупательницы. Нисколько не сомневалась.

– Пешей?

– Рядом с обеими есть парковки, – заверила Нина, вздохнула и придвинула книгу обратно к посетительнице. – Это все еще ваше. Может, когда-нибудь попробуете снова. Я перечитывала ее раз двадцать.

Это было сильным преуменьшением, но Нине не хотелось, чтобы у посетительницы окончательно поехала крыша.

Женщина нахмурилась:

– Почему?

Она осмотрела Нину с ног до головы, но в ее взгляде не было недоброжелательности. Скорее, она хотела понять, почему кто-то добровольно сделал нечто столь странное. Нина была в голубом платье под бледно-зеленым винтажным кардиганом с застежкой у горла. Похоже, это привело посетительницу к определенному выводу, потому что ее лицо смягчилось и на нем появилось сочувствующее выражение.

¹ Имеется в виду сайт Amazon.com.

– Наверное, когда у тебя скучная жизнь, приятно читать про других таких же.

Наступив себе на ногу, чтобы не вскипеть, Нина смотрела, как женщина небрежно сует «Гордость и предубеждение» в модную сумочку, сгибая обложку и сминая страницы.

Две минуты спустя Лиз выглянула из-за полки с комиксами:

– Ушла?

Нина кивнула, яростно поправляя стопку закладок в попытке забыть возмутительное обращение с книгой, которое ей только что довелось лицезреть.

– Ты просто подлая трусиха! Не высунешь нос даже для того, чтобы защитить одного из своих самых любимых авторов XIX века. Стыдись!

Лиз пожалала плечами.

– Мисс Остин не нуждается в защите. Ты прекрасно справилась, и к тому же мне никогда не забыть длинного разговора с этой самой покупательницей об ЛСД и границах сознания.

Поправив несколько томиков «Девочек на роликах»², Лиз решила уточнить ситуацию:

– Я-то спрашивала, как прошел отпуск, но оказалось, что ее планы резко изменились и она попала в путешествие по таким местам, о которых и не подозревала. Там был длинный пассаж о скрытой внутренней красоте йогурта, которую можно увидеть только через призму галлюциногенов. И теперь я никогда в жизни не смогу его есть.

Лиз наклонила голову, чтобы посмотреть на Нину поверх очков. Седина едва коснулась коротких темных волос Лиз, несмотря на все ее многочисленные места работы, города, которые она сменила, и жизни, которые прожила.

Нина тоже посмотрела на нее изучающим взглядом.

– В эту историю почти невозможно поверить.

Лиз повернулась и направилась к отделу прикладной литературы.

– Ну конечно, учитывая, что я все выдумала.

Нина улыбнулась, опустив глаза. Она нигде не чувствовала себя так комфортно, как в своем магазине, с его неистощимыми запасами сарказма и умиротворяющими рядами книжных корешков. Здесь был рай на земле. Если бы только они могли еще избавиться от покупателей и запереть все двери, тогда о большем нельзя было бы и мечтать.

* * *

Единственный ребенок незамужней матери, Нина привыкла к одиночеству. В детстве она видела, что у других есть папы, братья и сестры, и ей казалось, что это здорово, но в целом без лишнего народа лучше. Возможно, здесь я немного кривлю душой: иногда она мечтала, чтобы и у нее была большая семья, особенно когда училась в средней школе. У многих ребят были братья и сестры в старших классах, и их наличие словно придавало им некое защитное сияние, которому она завидовала. Старшие братья и сестры махали младшим на переменах, а иногда даже останавливались поболтать, распространяя на младших частичку своего величия. Потом, когда Нина училась в старшей школе, она слышала и видела, как эти ребята жалуются на младших братьев и сестер, но все равно машут им на переменах и подходят поболтать. Она видела взаимоотношения, совместный адрес и гадала, каково это.

Мать Нины, Кэндис, родила ее после очень короткой связи с каким-то парнем, которого встретила в те странные времена, когда еще не существовало Гугла и приходилось полагаться на то, что человек рассказал вам лично. Нина часто качала головой при мысли о том, как безумно рисковали те представители поколения X. Они не могли ни заглянуть в электронную базу данных о судимостях, ни проверить в соцсетях наличие у нового ухажера жены и детей, ни

² Графический роман Виктории Джеймсон, на русский не переводился. В оригинале называется «Roller Girl».

пролистать страницу интересующего человека на много месяцев назад, чтобы составить о нем представление. Им приходилось лично разговаривать с полнейшим незнакомцем, о котором у них не было вообще никакой информации. Можно было притворяться совершенно другим человеком при каждой новой встрече, и для этого не нужно было даже заводить фальшивый профиль – какое поле для обмана! В любом случае мама Нины даже не запомнила толком имя того парня и ничуть не переживала по этому поводу. Она была газетным фотографом, путешествовала по миру и заводила любовников, когда те ей подворачивались, безо всяких сложностей и угрызений совести. «Я знаю, что хотела тебя, – говорила она Нине. – Но еще не факт, что захотела бы его».

Поначалу Кэндис брала с собой Нину повсюду, таская ее под мышкой и укладывая на ночь в ящик комода в отеле. Однако спустя год-два Нина подросла, стала сильнее ворочаться, поэтому Кэндис пришлось найти славную квартирку в Лос-Анджелесе, еще более славную няню и оставить Нину саму разбираться со взрослением. Она появлялась раза три-четыре в год с сувенирами и странными сладостями, пахнувшая аэропортом. Нина так по-настоящему ее и не узнала, хотя внушительная фигура Кэндис всегда маячила на границе детского воображения. Когда Нина ребенком впервые прочитала «Балетные туфельки», она поняла, что ее мать – двоюродный дедушка Мэттью³.

Ее няня Луиза была замечательным родителем: веселым, интересным и начитанным, добрым и любящим. Она устроила Нине спокойную благополучную жизнь, а когда та закончила университет, обняла ее на выпускном, всплакнула и вернулась на малую родину в южных штатах, чтобы помочь растить детей собственным уже совсем взрослым дочерям. Отъезд Луизы Нина переживала гораздо тяжелее, чем когда-либо раньше – прощание с матерью. Кэндис начала гонку, но до финишной черты Нину довела Луиза.

По матери Нина скучала гораздо меньше, чем по наличию отца. Она плохо себе представляла, для чего они в целом нужны, но видела, что они стоят у края поля во время школьного футбольного матча или появляются с руками в карманах после уроков. В средней школе они полностью исчезли, а в старшей – возникли снова. Теперь они на машинах забирали дочерей с поздних вечеринок, старательно отводя глаза от девочек-подростков, пахнущих аптечным спреем для тела и щеголяющих внушительными декольте на едва сформировавшихся грудях. Нине они казались загадочными. Приходя в гости к друзьям, она видела их мам (даже становилась с ними подругами), но к окончанию школы так и не поняла, в чем смысл отцов. Они казались приятным дополнением, как бассейн, миленькая собачка или врожденная предрасположенность к чистой коже.

– Так что у тебя там сегодня? – спросила Лиз. – Книжный клуб изысканных леди? Игра в бридж в поддержку трансгендеров? Встреча дьяволиц декупажа?

– Тебе кажется, что ты очень остроумна, – ответила Нина, – но на самом деле ты просто завидуешь, что у меня столько занятий, поддерживающих жизнь моего разума.

– Моему разуму не нужна поддержка, – ответила Лиз. – Наоборот, я принимаю тяжелые наркотики в надежде убить часть мозговых клеток, чтобы сравнять шансы мозга и тела.

На самом деле это относилось и к Нине. Не принятие тяжелых наркотиков, а то, что ее разум не нуждался в поддержке. В детстве ей говорили, что у нее то ли СДВ, то ли СДВГ, то ли какая-то другая аббревиатура, но школьная библиотекарь просто цокнула языком и заявила, что у Нины отлично развито воображение и нельзя требовать, чтобы она ждала, когда остальные ее нагонят. Библиотекарь стала давать Нине художественные книги и энциклопедии для дополнительного чтения. Этот подход, как теперь понимала Нина, не мог считаться полезным с медицинской точки зрения и никак не улучшил ее математические навыки, но благодаря ему

³ Детская книга писательницы Нозль Стритфилд о трех девочках, которых удочерил профессор-палеонтолог Мэттью Браун. Двоюродный дедушка Мэттью путешествует по миру, и детей воспитывает няня.

она, едва перейдя в старшую школу, стала начитаннее всех, включая учителей. А еще благодаря ему она теперь воспринимала книги как лекарство, убежище и источник всего хорошего на земле. Пока что с ней в жизни не случилось ничего, что могло бы ее переубедить.

Нина посмотрела на начальницу:

– Сегодня у нас квиз.

Она знала, что Лиз хочет присоединиться к ее команде по квизам, но не может набраться энергии, необходимой для полуночных посиделок и еженедельных исследований новых любопытных фактов.

– Разве вас еще не отстранили от участия? Я думала, отстранили, потому что вы все время выигрываете.

– Нас отстранили в одном баре, но существует полно других, где о нас никогда не слышали.

Лиз подняла брови:

– То есть вы квизовые жулики?

Нина пожала плечами:

– Преступная жизнь мечты.

Лиз посмотрела на нее:

– Давай, назови какой-нибудь любопытный факт.

Нина отрицательно покачала головой.

– Ну пожалуйста.

Нина вздохнула:

– Ну, назови хоть, из какой категории.

– Морские обитатели.

– Слишком легко. Осьминог весом 45 килограммов может протиснуться в дырку размером с помидор черри.

– Курт Воннегут.

– Одним из первых в Америке стал продавать «Саабы».

– Юпитер.

– У него самый короткий день из всех планет. Может, хватит?

– У тебя болит голова? Ты видишь ауру предметов?

– Нет, но это предвкушение у тебя на лице убивает весь настрой.

Усмехнувшись, Лиз пошла по своим делам.

– Ты даже не представляешь, насколько забавна эта твоя способность, – бросила она через плечо. – Не забудь завтра одеться посимпатичнее. Должен зайти Мефистофель.

– Хорошо, – Нина, нахмурившись, посмотрела ей вслед, потом попыталась вспомнить, сколько точно длится день на Юпитере. Она ничего не могла с собой поделать, он длится... 9 часов 55 минут. Слава богу. Когда Нина не могла что-то вспомнить, это было для нее пыткой. Как когда чешется нёбо во рту или зудит между пальцами ног от комариного укуса. Приходится лезть туда и чесать, пусть даже место чересчур чувствительное. Лиз думала, что все многочисленные увлечения Нины были для нее способом выйти в свет и пообщаться с людьми, но она ошибалась. Дело было в том, что мозг Нины, не находя себе занятия, слетал с катушек и начинал сводить ее с ума нескончаемым потоком мыслей или навязчивыми вопросами, на которые ей нужно было найти ответ. Квизы, чтение, книжный клуб – все это было лишь средством самообороны.

Глава 2

в которой мы узнаем, что раздражает Нину

Нина шла домой в золотом сиянии, заливающим вечерний район, в тот волшебный час, когда осветители и просто случайные прохожие мечтают о том, как проведут ночь. Люди вокруг гуляли после работы с собаками, говорили по телефону, не обращая внимания на то, как косые лучи солнца отражаются от окон и дверных молотков, и на то, что пастельное небо кажется полупрозрачным, как одежда на завсегдатаях ковровых дорожек. Нина часто думала, что по части архитектуры Лос-Анджелес не слишком красивый город, но несколько раз в день небо делает его прекрасным. Как и подобает Голливуду, осветителем здесь выступает бог.

В этот час медно-рыжие волосы Нины пламенели в солнечном свете. Знай она в ту минуту, как чудесно выглядит, непременно сфотографировала бы себя. Но, к сожалению, она думала только о том, как здорово было бы поесть маринованных огурчиков – порезанных или целиком, и упустила возможность. Она была не из тех женщин, которые обращают на себя внимание на улице. Ее внешностью нужно было проникнуться, а безучастное выражение лица подсказывало, что вам вряд ли дадут шанс это сделать. Маленькая и тоненькая, она походила на олененка, но стоило с ней заговорить, как становилось понятно, что на самом деле это лиса. Как однажды сказала ее хорошая подруга Ли, Нина не была вредной, она лишь называла вещи своими именами.

Нина снимала флигель одного из особняков на Виндзорском бульваре. Это было очаровательное местечко с отдельным входом, никак не сообщающееся с главным зданием. Идеальное жилье для Нины. Владельцы дружили с ее матерью и к тому времени, как Нина окончила университет, чудесным образом завершили ремонт своего флигеля. Они великодушно предложили его Нине в аренду, и та с радостью согласилась.

Кот Фил ждал ее, сидя на калитке. У него была двуцветная коричнево-кремовая шерсть, белые лапки и черный кончик хвоста. Когда калитка открылась, он спрыгнул и побежал вперед нее по лестнице, вздернув хвост, как флажок на детском велосипеде. Нина заметила, что на коврике перед дверью лежит большой, но однозначно мертвый червяк. Кот небрежно стал рядом, как будто говоря: «Ах да, чуть не забыл, я принес тебе червя. Ничего особенного, просто мертвый червяк, которого я убил собственными лапами и принес тебе. Подумал, вдруг тебе захочется немного подкрепиться после работы». (Похоже, он посмотрелся «Винни Пуха».)

Нина наклонилась и погладила его по голове:

– Спасибо, Фил. Замечательный червяк.

Фил потерялся об ее ногу, явно пребывая в восторге от самого себя. Может, другие кошки и сидят целый день дома, вылизывая задницы, а он занимался делом.

– Только я приберегу его на потом, если ты не возражаешь.

Фил пожал плечами.

Открыв дверь, Нина вошла в дом, сбросила обувь и украдкой положила червя на кухонную стойку, чтобы выкинуть, когда кот отвернется. Посмотрела на большущие настенные часы: до квиза оставался еще час. Нина поставила чайник: время расслабиться и привести себя в порядок. Она любила свою квартиру, хотя «квартира» – слишком громко сказано. Скорее, это была одна большая комната с ванной и крошечным кухонным уголком, но в ней было вдоволь света и книжных полок, а что, собственно, еще нужно? Большие двойные окна на южной и западной стенах наполняли комнату солнцем и яркими цветами, а книжные полки поднимались от пола до потолка. У окна стояло огромное кресло, в котором Нина могла читать часами, чем она и занималась. Персидский ковер, весь в тиграх и птицах, красных и оранжевых пятнах, был сувениром из какой-то маминой поездки и появился где-то через две недели после того,

как она перевезла свои вещи (кровать, кресло, шесть коробок с книгами, кофемашину, котенка и доску для записок). К нему был прикреплен записка: «Он много лет у меня хранится, подумала, что он может понравиться тебе. Дай знать, если захочешь забрать остальное».

Остальное? Нина сразу же позвонила матери.

– Мам, привет. Ты где? – так звучало ее обычное приветствие.

– В Лондоне, дорогая. А ты?

Мама была австралийкой, но ее акцент с годами смягчился и почти не проявлялся. Иногда она забавно произносила слово «футбол» или называла леденцы «карамельками», но не разгуливала в бушменской шляпе с пробками.

Нина улыбнулась, услышав мамин голос – то, что она лучше всего в ней знала.

– Я в Дубае, мам, на крыше «Бурдж-Халифа».

– Правда? – в голосе мамы послышалось воодушевление. – И как вид?

Нина вздохнула:

– Нет, мам, шучу. Я в Лос-Анджелесе, там же, где ты меня и оставила.

– Ясно, – мама явно была разочарована тем, что Нина не унаследовала ее тяги к странствиям. Она никогда не говорила этого напрямую, но ей и не требовалось.

– Так что с этим ковром? – спросила Нина, тыча в свернутый ковер ногой.

Ей было слышно, как мама прихлебывает чай. Скорее всего, разговаривая с Ниной по телефону, она делала одновременно еще три-четыре дела. Всегда чем-то занята... Разве это весело?

– Помнишь, когда я была беременна тобой, я жила в Лос-Анджелесе?

– Конечно, – как и все люди, Нина знала историю своего происхождения наизусть. Нельзя сказать, чтобы Кэндис была потаскухой, просто ее не интересовали романтические отношения. Много лет назад Нина спросила у нее, почему она не сделала аборт, и мама рассмеялась в своей обычной манере.

– Ну, я подумала, что это будет приключение, и оказалась права.

Слово «приключение» она произносила так же забавно, как «футбол».

– Ковер великолепен. А что там еще?

– По-моему, полно всего. Съезди посмотри, если хочешь.

Кэндис тогда назвала место, где находится склад. Теперь, оглядываясь в своей замечательной квартирке, Нина видела вокруг мебель, на которую, возможно, писалась в детстве. Обитый килимом диванчик, пуфик из Раджастана, который Фил считал своим, и столько произведений из маминой коллекции, сколько она смогла унести. Единственную свободную от книг стену покрывали фотографии: Рут Оркин, Анри Картье-Брессон, Инге Морат, несколько снимков, сделанных самой Ниной, из тех, что ей нравились, журнальные обложки и постеры с изображениями знаменитостей, ее «уголок визуализации», состоящий из календаря и доски для записок (только не смейтесь, вам самим хотелось бы быть такими же организованными, как Нина), фото мамы и Фили, когда тот был котенком. У стены стояла односпальная кровать «Мальм» из ИКЕА – вместе с комодом той же серии, заметьте. Кстати, множественное число от слова «Мальм» будет просто «Мальм», а не «Мальмы», хотя это и звучит очень вкусно: «Ооо, это у вас шоколадные мальмы?»

Подобрав почту, Нина покормила Фили и налила в бокал вина. Потом подошла к уголку визуализации, остановилась возле него и, нахмурившись, посмотрела на доску для записок с вдохновляющими картинками, цитатами и лайфхаками, которыми она никогда в действительности не пользовалась. Нине нравилось быть организованной, но она все время чувствовала, что ей есть куда стремиться. Она обожала составлять списки, раскладывать файлы в папки разных цветов и каждое утро ровно полчаса изучала свой органайзер, намечая цели на день и просто размышляя. Разумеется, для этого ей приходилось выделять в утреннем расписании особое время. Но она хотела, чтобы само планирование включало в себя нечто большое. Ино-

гда она составляла списки того, что уже сделала, единственно затем, чтобы все вычеркнуть, и не могла отделаться от мысли, что это глупо, но в то же время удивительно приятно.

Она окончила Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе с дипломом по бесполезному, но интересному предмету (история искусств, спасибо, что спросили) и устроилась на работу в магазин «У рыцаря» на то время, пока выясняет, чем хочет заняться теперь, когда стала взрослой. Следующие несколько лет она провела, взрослея по-настоящему: пережила несколько коротких любовных романов, один подлиннее и снова несколько коротких, попыталась привести себя в форму, прошла через стадию вегетарианства, затем палеолитической диеты, наконец плюнула и начала есть все подряд. Увлекалась йогой, потом гимнастикой, затем смесью йоги с гимнастики, которую она мысленно называла «гогой». Далее – вязанием, декупажем и вечеринками, на которых пьют вино и пишут картины, но так и не избавилась от навязчивого ощущения, что недостаточно себя проявляет. Ведь не может же быть так, что смысл всей ее жизни в том, чтобы прочитать как можно больше книг?

Многие ее друзья находились в длительных романтических отношениях, но Нина оставалась одиночкой. Ей нравился секс, она получала удовольствие от общения с людьми, чьи взгляды отличались от ее собственных, поэтому она ходила на свидания. Но свидания в Лос-Анджелесе с некоторых пор стали контактным видом спорта, которым занимались с помощью интернета. И по прошествии множества вечеров, установивших новую низшую планку в человеческих взаимоотношениях, Нина решила сделать перерыв. Это было гораздо проще, чем отказаться от кофе.

Нину беспокоило, что ей слишком нравится одиночество: только так она по-настоящему расслаблялась. Люди... ее утомляли. Вызывали чувство тревоги. Каждое утро, выходя из квартиры, она как будто переворачивала гигантские песочные часы, после чего накопленная за ночь энергия убегала песчинка за песчинкой. Она подзаряжалась в течение дня, когда ей удавалось на короткое время остаться одной. Иногда ей казалось, что жизнь – это заплыв на длинную дистанцию от одного островка тишины к другому. Она любила людей, действительно любила, но общаться с ними могла исключительно в гомеопатических дозах: в малых количествах яд исцеляет.

В одиночестве она ставила себе цели и достигала их, бросала себе вызов и принимала его, находила новые увлечения и охладевала к ним. Периодически снимала с доски все заметки и писала другие с новыми целями, планами, датами и бюджетом. Или в середине года покупала новый органайзер и заполняла его заново. Ну и что с того? Наклонившись, Нина вычеркнула из календаря текущую дату, хотя день еще не закончился.

Видите? Всегда на шаг впереди событий.

* * *

Команда Нины по квизам, куда, помимо нее, входили еще трое ее ближайших друзей, называлась «Оформляй его, Данно»⁴. Название, конечно, необычное, но почему бы и нет? Им не было равных в вопросах по книгам (Нина), по истории и географии (ее подруга Ли), современной поп-культуре (Картер, бывший парень Ли, который был слишком умным и веселым, чтобы распрощаться с ним насовсем), а также политике и текущим событиям (ее вторая подруга, Лорен). Все они были одинаково сведущи в моде своего поколения Y, в классической поп-культуре (1950–1995, от Люси Рикардо⁵ до Чендлера Бинга⁶) и в сфере индустрии закусок разных стран мира. Однако несмотря на тот факт, что Нина увлекалась футболом, их ахил-

⁴ Коронная фраза главного героя из сериала «Hawaii Five-O» 1968–1980 годов о гавайской полиции.

⁵ Главная героиня американского комедийного сериала 1951–1957 годов.

⁶ Один из главных героев американского сериала «Друзья».

лесовой пятой оставался спорт. В попытке расширить свой кругозор Нина принялась читать иллюстрированную книгу о спорте, но пока что добилась только того, что ей стали сниться непристойные сны о норвежском сноубордисте, чье имя она не могла даже выговорить.

Теперь, когда вход в бар их предыдущих достижений для них был заказан, потому что они не давали выиграть никому другому, команда «Оформляй его, Данно» отправилась на разведку нового места. Бар «Сахарные губки» находился в Сильвер-Лейке, открылся два месяца назад и предлагал посетителям огромный выбор газировки (как собственной, так и импортной), помимо обычной коллекции крафтового пива. Бар заработал себе известность тем, что вместо традиционных снеков там подавались тарелки с сухими хлопьями для завтрака, что предположительно объясняло название.

– Ну как? – поинтересовалась Лорен у Картера, пробуящего газировку со вкусом опунции. У Лорен были темные глаза, темные волосы и темная душа, получавшая удовольствие от шуток, которые другие сочли бы язвительными. Нине она напоминала хорошую буханку хлеба на закваске – с хрустящей корочкой и нежным мякишем.

Картер пожал плечами.

– Знаете, я никогда не пробовал опунцию, так что где-то на середине понял, что мне не с чем сравнивать. А, вообще, похоже на... арбузную жвачку, что ли... – подытожил он и сделал еще один глоток. – В целом круто, но, чтобы насладиться по-настоящему, мне, наверное, нужно быть под кайфом.

По нему не было похоже, что он часто находится под кайфом. Скорее, он выглядел как человек, который помогает старушкам переходить через дорогу и регулярно принимает причастие, но, как мы знаем, внешность обманчива. На руке у него красовалась татуировка Повстанческого альянса, а в семье текла Сила.

– Нет, – покачала Нина головой. – Сосредоточься на игре. Ты знаешь правила.

– Может, я от этого стану быстрее?

Лорен фыркнула в кружку с пивом:

– Да, конечно, люди так и говорят: «Мне нужно двигаться с максимальной скоростью и точностью, давайте забьем косяк!»

Квиз начался, и первый час «Оформляй его, Данно» не могли нарадоваться своим успехам. Но их радость поутихла с появлением еще одной команды, опоздавшей к началу игры.

– О черт, – пробормотал Картер. – Смотрите, кто к нам пожаловал.

Нина вытянула шею, чтобы лучше видеть.

– Кто?

– Блин, – сказала Ли. – Это «Гарри, ты квизшебник».

Нина сохранила невозмутимое выражение лица, однако внутренне напряглась. «Квизшебники» были единственными достойными соперниками в мире барных квизов восточного Лос-Анджелеса. Хоть этот мир и был совсем крохотным, но напряжение не пропадало. Нина любила побеждать.

Они смотрели, как «квизшебники», группа из трех парней и девушки, словно зеркальная версия их самих, садятся за стол напротив. Капитаном команды явно был высокий парень, который, прищурившись, посмотрел на Нину и поднял руку в насмешливом приветствии.

Нина на секунду удержала его взгляд, потом широко зевнула.

– Класс, – сказала Лорен. – Очень тонко с твоей стороны.

– Он меня раздражает.

– Тем, что симпатичный, или тем, что знает о спорте намного больше тебя?

– Он не симпатичный. А о спорте знает, потому что тупой качок. Ты заметила, что он никогда не отвечает на вопросы, не связанные со спортом?

– Неправда, несколько недель назад он ответил на вопрос о супермоделях.

– Ну естественно, они же в купальниках, – парировала Нина.

Лорен с Ли посмотрели друг на друга поверх ее головы.

– Я думаю, дело в том, что он симпатичный, – сказала Ли. – Думаю, вам суждено влюбиться друг в друга и сбежать в энциклопедический медовый месяц.

– Это куда же?

– В Калвер-Сити, где снимали викторину «Рискуй!»?

– В Вашингтон, чтобы вы могли позависать в Библиотеке Конгресса?

– На Гавайи?

Все посмотрели на Картера.

– Как Гавайи связаны с энциклопедиями? – спросила Лорен.

Картер пожал плечами:

– Не знаю. Я сосредоточился на медовом месяце.

Нина вздохнула:

– Объективно он привлекательный, но лично мне кажется отвратительным из-за его невыносимой самоуверенности.

Картер кивнул:

– О да, женщины ведь терпеть не могут уверенных мужчин. Поэтому Люк настолько привлекательнее Хана.

– От сарказма появляются морщины, – ответила Нина.

Она украдкой посмотрела на капитана «квизшебников». У него были темные волосы, которые он, казалось, не расчесывал, что хорошо, и худое лицо с ярко выраженными скулами. Лицо нельзя было назвать красивым в традиционном смысле лишь потому, что он явно когда-то сломал себе нос.

– К тому же он выглядит так, будто любит подраться, а я пацифистка.

Ни одно, ни второе не соответствовало правде, и Картер закатил глаза.

Ведущий постучал по микрофону:

– Итак, в битву вступает новая команда, «Гарри, ты квизшебник». Пока что лидирует «Оформляй его, Данно» с отрывом в десять очков, но впереди у нас еще три раунда, и, согласно правилам, опоздавшие команды не получают никакой форы, поэтому всем удачи.

Нина проверила, что у всех под рукой есть карандаши и запасная бумага для заметок. Конечно, в карандашах с бумагой никому, кроме нее, надобности не было – ответы заполняла она. Но ей нравилось, когда все подготовлено. А вдруг у нее случится припадок, и она сломает карандаш? В голове вспыхнуло видение, как она, словно в замедленной съемке, падает на пол, карандаш с треском переламывается надвое, повсюду разлетаются щепки и кусочки графита. Такие фантазии – тревожный знак: похоже, у нее слишком давно не было секса. Нина посмотрела на парня из «квизшебников», который, приходилось признать, был очень хорош собой и наверняка туп, как пень. «Нет, мозг, нет», – сказала себе Нина, на что мозг сообщил, что происходящее не в его компетенции и посоветовал обратиться к органу пониже.

– Нина, ты где витаешь? – окрикнула Ли. – Листы с вопросами раздают.

– Прости.

Она взяла лист у ведущего, и тот, наклонившись, сказал:

– Ставлю десять долларов, что «квизшебники» вас сделают.

Нина нахмурилась:

– Говард, возьми себя в руки. Мы уже на один раунд впереди. Им будет сложно нас догнать.

Ли перегнулась через стол и ткнула его в грудь.

– Эй, если я не хочу идти с тобой на свидание, не надо впутывать сюда квисы. Это благородный вид спорта, в который играют благородные люди.

– В благородных барах, – добавил Картер.

– В благородные времена, – заключила Лорен.

Они все знали Говарда, потому что он кочевал по барам и устраивал квизы. Сам он величал себя «рыцарем вопросов», но все остальные звали его просто «квизовый хрен». Он постоянно кичился своей властью, основанной исключительно на том, что ему были известны все ответы, и команда Нины подозревала, что именно из-за него их отлучили от последнего бара.

– Да вы пьяны в хлам. Они вас размажут.

– Я не пьяна, – возмутилась Нина. – Я трезва, как стеклышко, так что приму пари и заберу твои деньги.

Говард ухмыльнулся, что выглядело еще неприятнее, чем вы, должно быть, себе представляете, и неспешно отошел от их стола.

А за столом «квизшебников» девушка Лиза подшучивала над Томом, тем высоким парнем, который, по мнению Нины, был туп, как пень.

– Тебе она нравится, правда? – Лиза слегка качнула подбородком в сторону Нины.

Том покачал головой:

– Ни капельки. Слишком много о себе воображает. К тому же коротышка.

Он мог бы добавить, что у нее кожа как персик, волосы цвета ирландского сеттера, один уголок рта чуть выше другого и тонкие лодыжки... но решил, что его не так поймут.

Джек, другой «квизшебник», скорчил рожу:

– Ты просто завидуешь, что она знает больше тебя.

– Неправда.

– Правда. Кажется, она знает все.

– Нельзя знать все.

– Я слышал, она работает в книжном, – сказал Пол, последний участник команды.

– Разве это не жульничество? – спросил Джек.

Том посмотрел на него:

– Не думаю, что иметь работу значит жульничать, Джек. У многих людей есть работа.

– Только не у меня, – гордо ответил Джек. Потом на секунду замолчал, размышляя, стоит ли этим хвастаться, но в конце концов решил, что все путем. – Я художник.

– Ты вандал, – возразила Лиза. – Ты пишешь свое имя на стенах зданий.

– Я пользуюсь своим правом на политический протест, – сказал Джек.

– Скоро ты воспользуешься своим правом выполнять общественные работы, – ответил Пол. Он был юристом, так что не смог сдержаться.

Лиза, зная Тома со старшей школы, внимательно наблюдала за его лицом. Ему явно нравилась Нина, капитан команды «Оформляй его, Данно». Она посмотрела на эту девушку, которая явно выделялась своей необычной, интересной красотой, и задалась вопросом, нет ли у них общих знакомых. Пора уже Тому начинать снова ходить на свидания, уже достаточно времени прошло с... той катастрофы, в которую вылились его последние отношения. Нужно спросить у Джека, что за книжный, решила она.

Говард снова постучал по микрофону.

– Итак, команды, битва начинается. Карандаши наизготовку, время пошло!

Глава 3

в которой Нину ждет сюрприз, но не факт, что приятный

Утро в доме Нины было не самым легким временем дня.

В той воображаемой жизни, какую ей хотелось бы вести, вместо той, что была ей уготована, Нина бы встала, умыла лицо пенкой с заслуживающим доверия составом, сходила бы в такой душ, где вода течет со всех сторон (хотя что произойдет, если нагнешься за шампунем, – получишь струю в лицо? как грубо!), потом оделась бы в удобную, но стильную одежду из натуральных волокон, собранных рабочими, которым хорошо платят. Вы внимательно следите? Затем позавтракала бы свежими фруктами, цельнозерновым хлебом и йогуртом из молока, добровольно пожертвованного козами, потому что его у них больше, чем им необходимо. Она была бы полна сознательности, благодарности и не имела бы никаких изъянов.

На самом деле же все происходило иначе. Нина вставала с головной болью, потому что пила вино, на тридцать процентов состоящее из сульфитов или какой-то другой гадости, от которой болит голова. Во рту у нее был такой привкус, как от одного из тех носков, что иногда валяются без пары на улице. Волосы напоминали гнездо. Она стояла, дрожа и слегка сутулясь, у кофемашины в ожидании, когда кофе будет готов. Иногда ее остекленевший взгляд останавливался на уголке визуализации, и тогда она чувствовала обиду на планету за то, что та непрерывно вращается вокруг Солнца, даже не спросив у нее. И так день за днем, ночь за ночью, все снова и снова. Короче говоря, пока в ее организм не попадал кофеин, Нина пребывала в состоянии овоща и бывала замечена за тем, что пускала слюни.

Но приняв душ и дозу кофеина, она становилась совершенно другим человеком. Этот человек, достав органайзер и коробку с карандашами, садился со второй кружкой кофе в большое кресло. Там она решала, что будет есть и какими физическими упражнениями заниматься. Составляла список покупок. И жизнь снова начинала казаться упорядоченной, находящейся под контролем и движущейся в правильном направлении.

На сегодня у нее было запланировано собрание книжного клуба, после которого она собиралась вернуться домой и почитать перед сном. Она уже приготовила самые мягкие пижамные штаны с носками. Пометила, что нужно купить попкорн. И маленькие маршмеллоу в какао. А еще какао. И молоко. Потом стала смотреть интересные винтажные кружки для какао на eBay, но тут обратила внимание на время, закрыла компьютер и побежала на работу.

По пути Нина надела наушники, слушала приятную музыку, чувствовала себя оживленной, улыбалась прохожим и здоровалась с собаками, воображая, будто она героиня какого-то фильма. Ее часто посещали фантазии, что ее жизнь есть нечто, подобное «Шоу Трумана», и что телезрители по всему миру вместе с ней наслаждаются ее прической и музыкой у нее в плеере. Ей представлялось, как она подставляет лицо под лучи солнца, чтобы облегчить задачу осветителю, и оглядывается через плечо, чтобы камерам сзади было что снимать. В обществе Нина вела себя тихо и сдержанно, наедине же с собой превращалась в поющий и пляшущий вихрь сияния и движения. Если только не была на тот момент дрожащим сгустком тревоги, потому что такое с ней тоже часто случалось. Она хорошо умела это скрывать, но тревожность неожиданно возникала у нее в критических ситуациях, словно некая противоположность суперсилы. Халка охватывал гнев, Нину – тревога. Она всегда сочувствовала Брюсу Беннеру, особенно в исполнении Марка Руффало. Она, по крайней мере, могла принять успокоительное. Ему же мог помочь только Тор.

Нина достигла бульвара Ларчмонт с его магазинчиками фермерского сыра и шляп (в одних магазинчиках продавали сыр, в других – шляпы, в сочетании это было бы слишком

странно, особенно в теплую погоду) и зашла в свое любимое кафе, чтобы взять низкокалорийный маффин с отрубями и без глютена. Шучу-шучу, это был шоколадный круассан.

– Привет, Нина, – сказала Ванесса, ее подруга, работавшая в кафе. – Что новенького?

– На удивление, ничего особенного, – произнесла Нина. – Мне, пожалуйста, шоколадный круассан.

– Завтрак чемпионов.

– Французских чемпионов.

– Шампиньонов?

– Мне кажется, это переводится как грибы, – неуверенно ответила Нина.

Ванесса пожала плечами, а Нина поторопила ее:

– Слушай, я только выпила пару чашек кофе. И едва держусь на ногах.

Нина взяла круассан без упаковки и начала его есть еще по пути, подходя к проезжей части. Несколько дел одновременно и при этом забота об окружающей среде. Еще девяти не было, а день уже удался.

Когда она вошла, Лиз подняла глаза на жующую Нину:

– О, а мне ты не взяла?

Нина развернулась и снова дошла до кафе, а через минуту вернулась.

– Взяла, как ни странно.

– Очень мило с твоей стороны. Как прошел квиз?

– Мы проиграли.

Лиз вытаращила глаза:

– Да ладно? Вы никогда не проигрываете.

Нина пнула стеллаж с книгами:

– Ну а вчера проиграли. У нас было равное количество очков с другой командой, ведущий задал вопрос про лошадиные скачки, и мы не ответили. Ты знаешь, что у всех скаковых лошадей день рождения – первого января? Нет? Вот и я не знала.

Лиз нахмурилась.

– Не пинай стеллажи. Мне жаль, что твой кругозор не охватывает спорт королей, но, если ты что-нибудь сломаешь, это вычтется из твоей зарплаты, – цокнув языком, она повернулась, чтобы уйти, но внезапно остановилась. – Ах да, от потрясения из-за твоего проигрыша я совсем забыла, что тебе звонили.

Нина стряхнула крошки со свитера, радуясь, что ни одна не успела оставить пятно (ей всегда вспоминалась та фраза из «Симпсонов»: «И помните, если сомневаетесь, потрите еду о бумагу. Если она станет прозрачной, это то, что нужно»), и нахмурилась.

– Звонок? От покупателя?

Лиз пожала плечами и откусила от круассана, обсыпая крошками собственную одежду.

– Не знаю. Какой-то мужчина. Спрашивал Нину Хилл, то есть тебя, а когда я предложила ему оставить сообщение, сказал, что перезвонит.

Зазвонил телефон.

– Наверное, это он, – сказала Лиз.

Но это был не он, а кто-то совсем другой, и Нина уже забыла про звонок, когда несколько часов спустя в магазин зашел человек.

Он с первого взгляда выделялся тем, что был одет в костюм, какие нечасто можно увидеть на бульваре Ларчмонт. Серьезный костюм. Белая рубашка с накрахмаленным воротничком. Платок в кармашке пиджака. Большинство обитателей Ларчмонта занимались творческой деятельностью, поэтому носили толстовки с капюшонами и кроссовки, кеды или высокие берцы. Чем успешнее они были, тем маргинальнее выглядели. Этот человек словно явился с другой планеты.

– Нина Хилл?

Лиз показала на нее, хотя Нина сразу подняла голову, едва услышала свое имя, как кошка, когда слышит, как вдалеке открывают консервную банку. Она довольно раскладывала в отделе научно-прикладной литературы новые поступления и в тот самый миг держала в руках книгу о земляных червях, с нежностью думая о Филе и его щедрой натуре. Посмотрев на незнакомца, она решила, что его появление, скорее всего, не сулит ничего хорошего.

Он приблизился к ней такой плавной походной, будто подкатился на колесиках, и произнес:

– Мисс Хилл? Нина Ли Хилл?

Бежать было поздно и, насколько ей было известно, никто не выдавал ордер на ее арест, поэтому она кивнула.

Он улыбнулся:

– Мы можем поговорить с глазу на глаз?

Ну точно, ничего хорошего.

Кабинет в магазинчике «У рыцаря» был очень маленьким, и наполняли его преимущественно коробки с книгами, огромные рекламные плакаты книг и сложенные стопками тома, грозившие в любой момент опрокинуться и рассыпаться по полу. Там был всего один стул, который должен был подниматься и опускаться, но механизм не работал. Незнакомец приглашающим жестом махнул на стул Нине, и та села. Это положение оказалось не очень удобным: лицо ее теперь находилось на том же уровне, что и его ширинка, поэтому она встала. Он не мог протиснуться мимо нее, чтобы усестись самому, и они остались стоять, а расстояние между ними оказалось на десять сантиметров меньше комфортного. Нине хотелось сделать большой шаг назад и даже принять оборонительную позу, но момент был упущен и сейчас это показалось бы грубостью. «Боже, – подумала она, – иногда трудно быть человеком, ведь за необходимостью вести себя цивилизованно скрывается мозг маленького перепуганного млекопитающего». Возможно, у других людей слой цивилизованности был толще, у нее-то он казался толщиной с отклеенную маску для лица. За дверью комнаты виднелась Лиз, готовая прийти на помощь, если нужно. Нина почувствовала себя лучше и улыбнулась, решив быстрее со всем покончить.

– Чем я могу вам помочь, мистер...?

– Саркасян. Я поверенный Уильяма Рейнольдса.

– Ясно, – Нина подождала. Она впервые слышала это имя. Ожидалось, что она его знает?

– Боюсь, у меня для вас плохие новости, – он сделал паузу.

Нина продолжала ждать. Если бы дела были действительно плохи, уже появилась бы полиция, верно?

– С прискорбием вынужден сообщить, что ваш отец умер.

Понадобилась секундная пауза, чтобы подумать, нет ли у этих слов какого-либо другого значения, после чего Нина покачала головой.

– Простите, здесь какая-то ошибка. У меня нет отца, – это прозвучало неправильно. – То есть, конечно, у меня есть отец, но я с ним незнакома. Мы никак не связаны. Я даже не знаю его имени.

– Его зовут – точнее, звали – Уильям Рейнольдс.

– Сомневаюсь.

Поверенный кивнул:

– Это правда. У меня в распоряжении есть письмо от вашей матери, Кэндис Хилл, подтверждающее отцовство и освобождающее его от родительских обязанностей с условием, что он никогда не предпримет попытки с вами связаться.

Нина все-таки села на стул:

– Я не...

У мистера Саркасяна была лысая макушка, но на висках и затылке все еще росли волосы, отчего казалось, будто он надел коричневую шерстяную шляпу, от которой остались только поля. Он говорил быстро и твердо, как будто репетировал по дороге. Вряд ли он постоянно сообщал людям такие новости...

– Как видите, мистер Рейнольдс подчинился желанию вашей матери, но тем не менее включил вас в число своих наследников.

Он сделал паузу, дожидаясь ответа, но Нина лишь молча смотрела на него, преимущественно потому, что не имела никакого представления, что отвечать.

– Я должен пригласить вас на оглашение завещания, которое состоится уже через несколько недель, – произнес он извиняющимся тоном. – Потребовалось больше времени, чем я надеялся, чтобы найти вас, ведь вы могли быть где угодно, – он откинул французский манжет и посмотрел на часы. – Представьте себе мое удивление, когда обнаружилось, что вы здесь, в Лос-Анджелесе.

– Почему?

Он улыбнулся, чувствуя облегчение от того, что может наконец поделиться хорошими новостями.

– Потому что здесь живет ваша семья, конечно же.

Нина затрясла головой, как Фил, когда она закапывала ему уши.

– Моя семья?

Поверенный похлопал ее по руке, и от потрясения, вызванного всем происходящим, она даже не дернулась.

– Простите, я понятия не имел, что вы не знали, кто ваш отец.

На его лице мелькнуло осуждение, и Нина заговорила:

– Моя мать явно не считала, что мистер Рейнольдс будет хорошим отцом.

На лице Саркасяна появилось другое выражение, и на этот раз разобрать его было сложнее.

– Ну, может, она права. Это было давно. Вот моя визитка – там адрес офиса, – и я свяжусь с вами по поводу оглашения завещания, – сказал он и сделал паузу. – А пока что, боюсь, с вами могут связаться ваши сестры и брат. Мне пришлось сообщить им о вас, потому что они хотели знать, по какой причине оглашение откладывается.

Нина вытаращилась на него:

– Мои кто?

– Сестры и брат.

– У меня есть сестры и брат?

Он кашлянул:

– Ваш отец был трижды женат.

– Но не на моей матери.

– Да, – он кивнул. – На других женщинах. Вообще-то, у вас три сестры и брат, два племянника и две племянницы, две внучатые племянницы и один внучатый племянник. И еще две живые мачехи, хотя они вам, наверное, не нужны, – он посмотрел на часы. – Я попросил вашего племянника Питера Рейнольдса связаться с вами и объяснить семейную ситуацию, потому что она довольно запутанная, а он – единственный, с кем все всегда разговаривают.

Нина уставилась на него.

– Простите, можно я сделаю вид, будто вы никогда мне ничего не рассказывали? Я не хочу заводить отношения с новыми людьми. Я прекрасно жила без них почти тридцать лет, – заявила она, почувствовала, что у нее учащается дыхание, и усилием воли заставила себя дышать медленнее, чтобы не грохнуться в обморок из-за гипервентиляции.

Поверенный явно не рассматривал такой вариант: на его лице появилось озадаченное выражение.

– Мистер Рейнольдс был очень состоятельным человеком, и тот факт, что вы в числе наследников, означает, что он оставил вам нечто ценное.

Нина попыталась сосредоточиться:

– Ну, дареному коню в зубы не смотрят, но если только это не чертова туча денег, мне все равно. И не уверена, что мне не все равно даже в том случае, если это хренова туча денег.

– Конечно, вам не все равно, – ответил поверенный, еще раз бросая взгляд на часы. – Деньги нужны всем. Мне пора идти. Питер скоро с вами свяжется. Боюсь, они были не в восторге, когда слышали о вас. Все, кроме Питера.

– Он поддерживает внебрачных детей?

Саркасян повернулся, чтобы уйти:

– Он – антрополог.

Глава 4

в которой Нина наблюдает за окружающими и разговаривает с матерью

Конечно же, после таких новостей Нина вышла из магазина и бродила по улице потрясенная, наполняя воздух горестными причитаниями. Нет-нет, вообще-то она вернулась к работе, потому что после обеда у них планировалось дошкольное чтение и номинально она была ответственной. Жизнь иногда устраивает подлянки, и все, что мы можем, это постараться стойко переносить их.

Лиз не любила детей, называла их маленькими грязнулями, швыряющими книги, поэтому организовывать детские мероприятия в магазине приходилось Нине. Она подошла к своей задаче со всей серьезностью и разработала целую программу:

Час чтения для родителей и малышей

Это мероприятие, проходившее трижды в неделю по утрам, заключалось в том, что груднички и младенцы постарше лежали, как слизняки, на коленях у родителей, пока те слушали, как им читает какой-нибудь бедный юный актер. По правде говоря, многие родители просто спали с открытыми глазами, а младенцы часто скатывались у них с колен на ковер с надписью «Читать – клево». Актеры обычно надеялись, что кто-нибудь из родителей окажется агентом. С тех пор как одного никому не известного чтеца после мероприятия пригласили сниматься в сериал, продвинувшийся дальше пилотной серии, они стали выстраиваться в очередь, чтобы читать. Нина, как могла, придерживалась честных правил, но иногда не могла устоять перед взяткой (ее слабостью были шоколадные конфеты See's Candies, если вам интересно).

Дошкольное чтение

Это мероприятие, во время которого малыши от трех до пяти вместе со своими нянями кидались книжками (дети, а не няни), было крайне популярно. Во-первых, няни могли расслабиться и немножко поболтать. А во-вторых, и у родителей жизнь становилась чуть легче. Они могли сказать: «Няня каждый день водит Бернара и Саламандру на чтение», тем самым успокоить совесть, мучившую их из-за того, что они предпочитают проводить время на работе с людьми, которые умеют пользоваться вилок. Проходило каждый день, в 15.30.

Книжный клуб для младшекласников

Этот проект нравился Нине больше других. В Ларчмонте было полно детей, обожающих книги, особенно девочек. Мальчики тоже любили читать, но предпочитали не распространяться об этом, тогда как девочкам только дай поболтать. Многие из этих девочек были сильными, уверенными в себе, благодаря месту и времени, в которых они выросли, и тому, что им пока еще не ударило в голову половое созревание. Они без всякого смущения захлеб читали книги о феях, ведьмах и героинях, которые не нуждаются в спасении. Открыв книгу только затем, чтобы посмотреть, про что там, такие девочки продолжали читать еще час, пока за ними не приходили родители. Было замечательно наблюдать, как ребенка затягивает другой мир.

Нина проникалась к таким детям особой нежностью, ведь она знала, что скоро им начнут твердить, что существуют вещи поважнее их фантазий. Поэтому она и организовала книжный

клуб для младшеклассников. Раз в месяц в семь часов вечера, после закрытия магазина, они с группой девочек от восьми до двенадцати садились и целый час обсуждали книги. Именно о таком клубе она мечтала, когда сама была в их возрасте. Так стоит ли удивляться, что теперь она порой делала с ними браслетики дружбы и с еще большим жаром, нежели сидящая рядом десятилетняя девочка, говорила о «Пространстве в форме манго»⁷?

Подростковый книжный клуб

Им руководила Лиз. Она обожала хмурых подростков.

Несколько раз обсуждалась даже идея создать книжный клуб для взрослых, но у Нины не было на него времени. Она уже входила в один взрослый книжный клуб, собиравшийся раз в неделю (о нем мы расскажем позже). Вкупе с книжным клубом для младшеклассников, занятиями спортом (если считать спортом эпизодические вылазки на фитнес, чередующиеся с клятвенными обещаниями больше не сачковать) и, конечно же, ее командой по квизам это означало, что она слишком занята. Лиз отказывалась вести этот предполагаемый клуб для взрослых, а Полли, девушка, которая работала в «У рыцаря» на полставки, ненавидела читать. Спрашиваете, зачем она тогда пошла работать в книжный магазин? Долгая история.

Короче.

Хотя у нее самой не было детей, Нине нравилось наблюдать, как люди справляются с неожиданными трудностями отцовства и материнства. Как оказалось, главной проблемой был вовсе не ребенок, а другие родители. Первые несколько лет длился период обучения, за которым Нине было очень удобно следить, потому что многие из ларчмонтских родителей состояли в Клубе любителей толстых пыльных книг, и постоянно приводили своих детей. Она видела, как десятки малышей переходят от «Баю-бай, Луна» к «Спокойной ночи, Фрэнсис»⁸, потом к «Джуни Б. Джонс»⁹ и наконец к популярной на тот момент подростковой серии. А за ними следуют их родители. Постепенно Нина начала хорошо ориентироваться в запутанной системе отношений между родителями-соседями и теми, чьи дети ходят в одну школу.

Возьмем двух мам, которые встретились на чтении в магазине. Стандартные правила поведения для школьных мамаш предписывали: если ваши дети дружат и при встрече вы обе стоите, вы, конечно, обниметесь. Если одна из вас уже сидит на полу, но ваши дети хорошо дружат и даже разок встречались поиграть вне школы в своих поясках всех цветов радуги, то та, которая сидит, начнет вставать, а другая замашет на нее и сама нагнется, чтобы приобнять. Если ваши дети – очень хорошие друзья, часто встречались поиграть вне школы и даже ночевали друг у друга, тогда сидящая слегка подвинется, чтобы освободить место стоящей, и вы обниметесь уже на полу. Нина изучала эти правила, потому что не обладала инстинктивным знанием. Работа в магазине, где люди частенько бесцельно бродят, разглядывая книги, предоставляла ей полный простор для наблюдений.

Особенно нравилось Нине смотреть, как люди приветствуют друг друга при встрече. Допустим, какая-нибудь дама осматривается в магазинчике «У рыцаря» и размышляет, взять ли ей что-нибудь эротическое или выбрать-таки достойную книгу (вот залог процветания онлайн-магазинов – анонимные покупки), как вдруг замечает вошедшую знакомую. За долю секунды ей предстоит решить, стоит ли показывать, что она ее заметила, и это решение зависит

⁷ Роман Венди Масс «Mango-Shaped Space».

⁸ Детская книга из цикла книг о Фрэнсис писателя Рассела Хобана, на русский не переводилась. В оригинале называется «Bedtime for Frances».

⁹ Серия книг о девочке по имени Джуни Б. Джонс писательницы Барбары Парк, на русский не переводилась.

от того, насколько хорошо они друг друга знают и есть ли у нее основания проигнорировать вошедшую (например, та ее еще не увидела или первая одета в костюм пирата).

Их глаза встречаются, и теперь первой даме предстоит решить, бросить ли короткое «привет» и продолжать разглядывать книги или подойти и поздороваться как следует. Она уже думает, что полноценного приветствия не избежать, когда замечает, что ее приятельница зашла в компании другой женщины, которая тоже выглядит смутно знакомой, но первая не может вспомнить, откуда ее знает. Нина так часто становилась свидетельницей подобного, что уже привыкла видеть вспышку паники в глазах дамы, которая идет навстречу приятельнице, отчаянно желая при этом остаться на месте. Теперь приятельница тоже обязана поздороваться, хочется ей того или нет, поэтому она говорит «привет». Первая дама отвечает «привет», затем следуют объятия в соответствии с правилами, описанными выше. Далее приятельница говорит: «Эй, а это Бинди Макарон, кажется, вы уже встречались». (У мамаш определенного возраста сотни знакомых из разных мест, поэтому им постоянно приходится совершать человеческий вариант собачьего ритуала обнюхивания под хвостом).

Первая дама: Привет, Бинди. Мы действительно встречались? (Кивает головой и придает лицу выражение, которое можно трактовать как нечто среднее между дружеской открытостью и легким самоуничижением, чтобы не дать промашку, пока не выяснился источник знакомства. Если выяснится, что они знакомы, потому что одна из них в студенческие годы переспала с парнем другой, то, как вы понимаете, выйдет неловко).

Бинди: Кажется, да! Вы выглядите так знакомо! (Так же кивает головой и выражает жестами готовность одновременно обняться и ретироваться). Ваш ребенок, случайно, не учится у мисс Прямоугольник?

Первая дама: Нет... Моя дочь Элефантин (произносится, конечно же, на французский манер) в классе мисс Лифт. А ваш ребенок, случаем, не ходит на плавание к профессору Бульку из «Юношеской христианской организации»?

Бинди: Нет... Уроки рисования в «Умелых кисточках» по субботам?

Первая дама: Нет... А до школы? Мы ходили в «Обитель гармонии, добра и любви», а вы?

Бинди: Нет, Урсула посещала «Мандаринский центр по раскрытию буддийских чакр».

На этом они сдадутся, пожмут плечами и так никогда и не вспомнят, что на самом деле знакомы потому, что однажды столкнулись машинами и десять минут стояли на улице, обмениваясь информацией по страховкам.

* * *

Если бы вы зашли в магазин сегодня после обеда, то стали бы свидетелями того, как Нина выстраивала на прилавке высокую стопку книг (на вид, довольно неустойчивую), а около двух часов дня внезапно сбила ее на пол. Грохот раздался ужасный.

Человек, только что вошедший в дверь с улицы, остановился и посмотрел на нее с прищуром.

– Лиз на месте?

Мистер Меффо был собственником помещения. Всеми зданиями на бульваре Ларчмонт владели трое-четверо людей. Одна часть бульвара с 60-х годов принадлежала большой семье, которую горячо любили за мягкое отношение к арендаторам. Другим арендодателем выступал инвестиционный банк, который, по большому счету, ни во что не вмешивался. Третьим являлся мистер Меффо. Его считали главным злодеем бульвара, но в действительности он был всего лишь обычным бизнесменом, пытающимся извлечь прибыль. А в этом, как известно, и

состоит суть бизнеса. Если бы он разводил на ферме овец, то ходил бы в чепчике и с ягненком, но поскольку он был арендодателем, то носил мобильный телефон и планшет.

К сожалению, арендная плата взлетела до небес, а выручка от продаж за ней не поспевала, поэтому у Лиз появилась привычка прятаться, когда он заходил. Она более-менее справлялась с выплатами: просто пользовалась возможностью, предоставленной ей временем и пространством. Еще она за глаза звала беднягу Мефистофелем, что было не очень вежливо.

– Простите, мистер Меффо, она только что отошла, – Нина надеялась, что грохот падающих книг послужил достаточным предупреждением. Однажды Лиз была занята с покупателем и не смогла вовремя спрятаться, поэтому ей пришлось заплатить ренту вовремя.

Мистер Меффо вздохнул. Он был неплохим человеком, просто хорошим бизнесменом.

– Не могли бы вы попросить, чтобы она мне позвонила? Вы опаздываете с оплатой.

Нина кивнула и улыбнулась, радуясь, что одета как профессионал. Лиз говорила, что они должны выглядеть успешно, а то мистеру Меффо, чего доброго, придет в голову расторгнуть договор.

– Уверена, она помнит, мистер Меффо. Последнее время мы так заняты с посетителями. Он оглядел пустой магазин.

– Неужели?

– О да, перед вашим приходом здесь была такая толкучка.

– Серьезно? – удивился он, с сомнением посмотрел на Нину и вздохнул: – Что ж, тогда передайте Лиз, что я поспрашивал и нашел людей, заинтересованных в покупке вашего помещения, и эта сделка кажется весьма привлекательной. Быть арендодателем не так весело, как кажется.

Нина ничего не ответила, поскольку никогда и не считала, что быть арендодателем весело.

Он ушел, а Нина ждала еще десять-двадцать минут, пока Лиз не выглянула наконец из кабинета.

– Ушел?

Нина кивнула:

– Ты должна оплатить аренду.

– Я не могу, – ответила Лиз.

– Ты должна, – настаивала Нина.

– Я не могу, – повторила Лиз.

Тогда Нина воскликнула голосом Дадли Справедливого:

– Я оплачу аренду!

– О мой герой! – вздохнула Лиз, и они вернулись к работе.

* * *

Некоторое время спустя Нина наконец позвонила матери. Ей приходилось внимательно следить за временем, чтобы улучшить тот момент, когда мама возьмет трубку, что бывало редко. Кэндис Хилл выросла в австралийской глуши 1980-х, когда, по слухам, женщины сияли, мужчины разбойничали и ни у кого из них не было мобильных. И теперь она, ничуть не колеблясь, отключала свой.

– Я не хочу, чтобы меня было слишком просто найти, дорогая, – говорила она, как будто того, что она находится за тридевять земель, было недостаточно.

Нина решила, что в семь утра по китайскому времени у нее должно получиться, поэтому зашла в кабинет магазина незадолго до наступления четырех, когда старшеклассники придут листать комиксы и переглядываться друг с другом через полки. Гудки тянулись, и Нина уже готова была оставить саркастическое сообщение, когда мама взяла трубку.

Конечно, благодаря современным технологиям ее голос звучал так, словно она находилась через дорогу.

– Доброе утро, солнце! – прокричала Кэндис, как часто делала. – Все хорошо?

– Ну, можно и так сказать, – ответила Нина.

– Что я могу для тебя сделать, любовь моя? Мне через час нужно быть на работе. Выкладывая, – сделала она заказ по-китайски, выполняя, как обычно, несколько задач одновременно.

– Уильям Рейнольдс умер.

Повисла пауза, потом послышался мамин выдох. Но она все же попыталась сделать вид, будто не понимает, о чем речь.

– Прости, кто?

– Мой отец, Уильям Рейнольдс.

Кэндис слышала, что Нина в ярости, но ее это не смутило – такой уж она родилась.

– Ах, этот Уильям Рейнольдс! Да... Я надеялась, ты никогда о нем не узнаешь.

Вот за это Нина и любила мать. Та лгала и выдумывала напропалую, но, когда ее уличали, просто признавала поражение и двигалась дальше. Казалось, ей не свойственны ни стыд, ни сожаление.

Но какие бы достоинства ни были ей присущи, Нину это не смягчило:

– Вот я и не знала, так, может, просветишь? Почему, ради всего святого, ты не сказала, что у меня есть отец? Ты ведь знала, что я гадала, кто он. Почему решила, что это хорошая идея – не давать нам видеться? У меня есть сестры с братом!

– Правда? Как мило.

Голос Нины поднялся на октаву.

– Мам, в одном городе со мной живет с десяток родственников! Представь, сколько дней рождений и других детских праздников я пропустила!

Мама засмеялась:

– Тебе не нужны были товарищи по играм, ты прекрасно обходилась без них. Ценность других людей преувеличена.

– В целом я согласна, мам, но мне бы хотелось, чтобы у меня был выбор, – Нина заметила, что вторая рука сжалась в кулак, и потянулась за карандашом. Стала крутить его между пальцев – нервная привычка, которую она превратила в фокус, который можно показывать на вечеринках. Если только прийти на такую вечеринку, где вращение карандаша может произвести впечатление.

Мама помолчала, потом сказала оправдывающимся тоном:

– Нина, из него вышел бы плохой отец. Он был игроком с завышенной самооценкой, и у него была жена.

– Жена – это не черта характера, мам. А почему ты переспала с женатым мужчиной? Что за ерунда? А как же женская солидарность, на первом месте – бабы, на втором – мужики?

– Нина Ли Хилл, ты что, только что назвала меня бабой?

Нина расхохоталась и отшвырнула карандаш. В разговоре с мамой все казалось проще. Отчасти из-за ее австралийского акцента и отношения к жизни в духе «хватит закатывать истерику», отчасти из-за характера. Кэндис Хилл не переносила драм и всяческих страстей. Из-за этого она казалась поверхностной и начинала раздражать, если вы хотели поговорить с ней эмоционально. Например, как Нина, о том, что вся ваша жизнь, как оказалось, была ложью, но в то же время это помогало посмотреть на вещи со стороны.

– Нет, мам, я не называла тебя бабой, но можешь хоть на секунду представить, каково мне?

Кэндис шелкнула языком.

– Нина, все это случилось почти тридцать лет назад. Твой отец был очень красив, мы встретились на какой-то съемке – я даже не помню, на какой – и провели все выходные в моей

квартире, а потом я обнаружила, что у него есть жена, которая, если я правильно помню, на тот момент ждала ребенка, поэтому я прогнала его и забыла о нем. Два месяца спустя я узнала, что беременна, и решила оставить тебя. Он ко всему этому не имел никакого отношения, если не считать сорокавосемичасовых упражнений вначале.

Нине захотелось заткнуть уши и запеть банальное «Ла-ла-ла», но она не выпустила трубку.

Кэндис продолжала:

– Мне хватало денег и времени, чтобы о тебе позаботиться, и я не желала его участия, потому что совсем его не знала и он уже проявил себя не лучшим образом, когда изменил жене. Поэтому я заставила его что-то подписать, чтобы он оставил тебя в покое, и на этом все. Я больше никогда его не видела. Удивлена, что он запомнил мое имя.

– Честно говоря, мам, твое имя могло быть не настолько памятным, как тот факт, что у него есть ребенок. Такое забыть немного сложнее.

(«Не всем это дается так же легко, как тебе»).

– Вот заноза в заднице! Так и думала, что ничего хорошего от него не жди.

– Я бы предпочла вообще ничего от него не ждать. Ты же знаешь, я ненавижу сюрпризы.

– Знаю, в этом ты явно пошла в него, потому что я-то сюрпризы обожаю.

Нина закатила глаза.

– Мы говорим обо мне.

– Мне пора идти. Мы закончили?

– Да. Какова вероятность, что ты сейчас скажешь: «Прости, Нина, ты права, я должна была подготовить тебя к такому неожиданному потрясению»?

Мама фыркнула:

– Никакой. Я не ожидала, что он нарушит слово спустя тридцать лет. Если кто и должен перед тобой извиняться, то это он.

– Ну, он мертв.

– Так ему и надо, – Кэндис вздохнула. – Мне жаль, что он был неудачником, Нина. Но ты уже большая девочка, переживешь, – и с этими словами она отключилась.

Вздыхнув, Нина задумалась, станет ли она сама когда-нибудь матерью, и если станет, справится ли с этой работой лучше своей мамы. В детстве Нина грустила от того, что мамы не было рядом, потому что все вокруг твердили ей, как это грустно. Позднее, будучи подростком, она стала злиться на маму, винить ее в своей застенчивости и постоянной тревоге. И наконец, став взрослой, она пришла к выводу, что отсутствие Кэндис, вероятно, было благом. Ее няня, Луиза была замечательной матерью, а ее мать была замечательным фотографом. Биология не предопределяет судьбу, и любовь не зависит от общности ДНК. Убирая телефон и выходя из кабинета, Нина подумала, что существует вероятность, что она в корне не права. Ведь она так часто ошибается.

Глава 5

в которой Нина посещает собрание книжного клуба и получает сообщение по электронной почте

После работы Нина вернулась домой, зашла в интернет и прочитала все, что смогла найти об Уильяме Рейнольдсе. Имя было распространенное, но она решила, что он не может быть профессиональным теннисистом начала XX века или английским лордом XVII века. Поэтому, скорее всего, он тот юрист из Лос-Анджелеса, который умер недели две назад. Похоже, она пропустила похороны. Но учитывая, что она пропустила и все остальное, вряд ли стоило расстраиваться на этот счет. Все некрологи сообщали, что ему было семьдесят восемь и после него остались вдова с дочерью. Нина знала, что последнее не совсем верно, хотя уже запомнила, сколько детей там на самом деле. Она нашла в сети несколько фотографий, в основном с каких-то благотворительных мероприятий, на которых он был неизменно в смокинге. Нина не обнаружила явного сходства между ним и собой. Но она все-таки была стройной двадцатидевятилетней девушкой с темно-рыжими волосами и веснушками, а он – располневшим стариком с седыми волосами и морщинами. Так что это было совсем не то, что сравнивать яблоко с яблоком. Скорее, виноград с изюмом.

Нина задумалась, как сложатся ее отношения с братом и сестрами, есть ли у них с ней что-нибудь общее, вроде любви к «Симпсонам» и сэндвичам. Может быть, они подружатся, а может – начнут семейную распрю, как в каком-нибудь реалити-шоу. На мгновение у нее разыгралась фантазия, и она стала придумывать заставку к сериалу «Рейнольдсы против Хилл. Братско-сестринские войны», в которой почему-то играла электронная музыка а-ля 80-е и титры ползли по краю экрана. Будет ли она играть саму себя или ее заменят кем-то более телегеничным? Она плохо получалась на фотографиях, что для ее поколения было более серьезной проблемой, чем для их родителей. Ее подруга Ли, уверенная в том, что все должны заботиться о своем имидже, советовала ей меньше шевелиться.

– У тебя слишком подвижное лицо, – объясняла она.

– Потому что я разговариваю, смеюсь и проявляю участие, – ответила Нина.

– Ну так перестань это делать, потому что твое лицо на каждой фотографии выглядит так, будто в тебя тычут булавкой, – заверила Ли и скорчила рожу, чтобы продемонстрировать, что она имеет в виду.

– Я так не выгляжу, – запротестовала Нина.

– Выглядишь. У меня есть доказательства в виде фотографий. Возможно, ты так выглядишь всего несколько секунд, но именно в этот момент щелкает объектив, поэтому ты всегда выглядишь так в соцсетях.

– Ну ладно, тогда я могу использовать это как первую линию защиты. Если парня отпугнет страдальческое выражение моего лица и он не захочет узнать настоящую меня, не обезображенную болью, то и не стоит идти с ним на свидание.

Ли пожала плечами:

– Или ты отсецешь всех обычных парней, и останутся только те, кто любит видеть боль на лице женщины, и кому тогда будет хуже?

Вспоминая этот разговор, Нина решила, что Уильяму Рейнольдсу, наверное, дали похожий совет, потому что если он и улыбался, смеялся и проявлял участие в жизни, то на фотографиях это никак не отразилось.

* * *

У Нины ушло довольно много времени на то, чтобы изучить состояние книжных клубов Лос-Анджелеса. После длительных исследований она решила, что лучше организовать один клуб, где будут обсуждаться разные жанры каждую неделю, чем четыре разных, собирающихся по разу в месяц.

Первая среда каждого месяца была отдана «Книжным стервам» (современной прозе).

Вторая среда – «Коварным девицам» (загадкам Золотого века английской литературы).

Третья – «Нулевой зоне» (подростковой литературе).

Четвертая – «Пастбищу электрических овец» (научной фантастике).

Если бы в месяце было пять сред, она бы, не задумываясь, заняла и пятую, потому что ей нравилось рисковать. Книжные черви – те еще безбашенные сумасброды.

Нине хотелось бы еще клуб классической литературы и клуб любовных романов. Но бог распорядился, чтобы в сутках было лишь определенное количество часов, а в неделе – лишь определенное количество суток, поэтому ей приходилось совмещать чтение с другими занятиями.

Поскольку она широко рекламировала свой клуб, его члены периодически менялись. Впрочем, ядро из женщин, живущих ради книг и обладающих достаточно эклектичным вкусом, чтобы на каждой следующей неделе обсуждать другой жанр, оставалось неизменным. Через книжный клуб Нина познакомилась с Ли и Лорен, своими товарищами по квизам, и к ним присоединилась Ванесса, ее подруга из кафе на бульваре Ларчмонт. Последним неизменным членом клуба была Дейзи, работавшая в большом сетевом книжном, при котором имелось кафе, откуда она приносила остатки еды, что было плюсом. Они впятером никогда не пропускали собраний, проводили их у себя по очереди и пытались установить новые стандарты закусок. Иногда появлялся кто-нибудь новенький, и тогда им приходилось сосредотачиваться и на самом деле обсуждать книгу.

Сегодня был вечер «Книжных стерв», то есть современной прозы, и разговор шел об одном достойном романе, попавшем в шорт-лист Букера. Дамы, однако, сбились с темы.

– Правда? Настоящую фотографию? – скептически спросила Нина.

– Да, – заверила Ванесса, перелистывая картинки на телефоне. – И не одну, а целых пять. Под разными углами, в разном освещении, с разными фильтрами, черно-белую, все девять ярдов.

– Ярдов? Надеюсь, ты имела в виду дюймы, потому что девятиярдовый пенис был бы... – Лорен замялась и нахмурилась. – Сколько там дюймов в ярде?

Все посмотрели на Нину. Они знали, какая у нее хорошая память.

– Тридцать шесть. В ярде 91,44 сантиметра, – она помедлила. Ей хотелось остановиться, но она не могла. – Ярд – это британская единица измерения, изначально основанная на длине металлической перекладины, длина которой, в свою очередь, основана на четверти коровьей шкуры.

Нина перевела дыхание, а Лорен, умевшая предвидеть, что сейчас их затянет в кроличью нору, подняла руку:

– Достаточно. Если ты продолжишь, мы забудем про восьмиметровый пенис, на который действительно стоило бы взглянуть.

Ли фыркнула:

– И который, вероятно, сложно уместить на фотографии.

Нина хихикнула и сделала глоток вина, пытаясь забыть остальные известные ей факты о единицах измерения (например, вы знали, что «момент» – это на самом деле средневековый термин, обозначающий полторы минуты?). Она любила свой книжный клуб, потому что они не

только обсуждали книги, сюжеты, писателей и читателей, но и болтали на другие увлекательные темы. Например, о фотках членов или личной жизни одиноких женщин Лос-Анджелеса (что, к сожалению, было взаимосвязано).

– Вот что я хочу сказать, – начала Дейзи, которая принесла две дюжины пирожных в виде чупа-чупсов и была под кайфом от мощной дозы сладкого. – Кто-то должен отвести мужиков в сторонку и прошептать им на ухо: «Чуваки, пенис не самая фотогеничная часть вашего тела». Будем честны: сам по себе пенис не очень привлекательная штука. Он похож на лысого крота в шапке.

– Да. Если бы я ночью зашла на кухню, включила свет и увидела на полу пенис, я бы точно завопила и прихлопнула его веником. Или хотя бы залезла на стул и дождалась, когда он укатится, – пустилась в измышления Ванесса.

Нина возразила:

– Но разве это не относится ко всем частям тела? Если ты включишь свет, а на полу лежит нога, это тебя тоже тревожит.

– Да, – согласилась Ванесса. – Но я, по крайней мере, пойму, что это нога. А если там будет один пенис отдельно от тела, то я могу не сразу догадаться, что это, – преувеличенно всплеснула она руками. – «Не знаю, что это, но оно смотрит на меня единственным глазом, слишком большое, чтобы прихлопнуть его свернутой газетой... Ой, подождите, кажется, это что-то знакомое...»

Нина все еще не готова была согласиться:

– Разве тебя не будет в первую очередь волновать, что какой-то человек остался без пениса?

– Нет, – ответила Ванесса. – Не думаю, что мне придет в голову эта мысль. Я, извиняюсь за выражение, сосредоточусь на пенисе.

Ли подошла к вопросу более практично.

– Почему мужики никогда не присылают мне фотографии, на которых они держат щенка? Это было бы гораздо интереснее. Или хотя бы их улыбку, бицепсы или остроумное сообщение, не сводящееся к вопросу, потекла ли я.

– Не самый хороший вопрос, – заключила Нина, которой приходилось с такими сталкиваться. – Потому что оставляет слишком много возможностей для сарказма. «Потекла ли я? Оттого ли, что ты прислал мне посредственную фотографию своей не слишком выдающейся плоти? Нет, я не потекла. Я даже не повлажнела по краям. Во мне настоящая Сахара отвращения».

Переведя взгляд на Дейзи, Нина поинтересовалась у нее:

– Лесбиянки так делают?

– Посылают фотки членов? – удивилась Дейзи и вздернула брови. Она поддерживала имидж красотки из 50-х, поэтому ее брови были идеальны для вздергивания. – Только если хотим расстаться с девушкой и сделать так, чтобы она навсегда заблокировала наш номер.

– Так что ты ответила парню с фоткой члена? – спросила Нина Ванессу, и та пожала плечами.

– Я уже согласилась на свидание и подумала, что будет нехорошо отказываться после того, как он показал мне свое добро, – скорчила она гримасу. – «Да, я согласилась пойти с тобой в кино, но теперь, когда я знаю, что за ужас у тебя в штанах, я больше не заинтересована». Это было бы слишком обидно.

– Почему ты беспокоишься о его чувствах после того, как он визуальнo оскорбил тебя?

– Потому что я не сволочь, – заявила Ванесса, которая иногда бывала чересчур милой, хотя и работала над этим. – Но, возможно, пенисы выглядят совсем иначе с мужской точки зрения. Может, они видят вокруг них ауру или крошечный нимб? И думают: «Вау, какой кра-

сивый пенис, возбуждаюсь от одного вида. Надо скинуть этой девчонке, чтобы она тоже возбуждалась».

Женщины одновременно вздохнули.

– Мужики – такие простачки, – сказала Лорен. – Если им что-то нравится, то они думают, что это понравится всем.

– Значит, ты с ним все-таки встретишься? – Нина не дала сбить себя с темы.

Ванесса кивнула:

– Да, мы идем в «АркЛайт» на «Чужих» через две недели. Я дала ему кучу времени, чтобы он успел встретить кого-нибудь другого.

– Я тоже иду! – воскликнула Нина. – Мне подойти к вам и сказать ему, что, как я слышала, его пенис хорошо смотрится в ч/б?

– Пожалуй, не надо, – ответила Ванесса и, помедлив, продолжила: – Хотя обещаю: если он достанет его во время фильма, я напишу тебе с призывом о помощи.

Ли фыркнула:

– Вообще-то «Чужие» – это последний фильм, на котором стоит доставать член. Слишком много сходства с теми штуками, которые вырываются у людей из животов. Достань член не в тот момент, и люди побегут из зала.

– Боже, это был бы отличный костюм для Хэллоуина: можно одеться, как Джон Хёрт в первом фильме, и сделать так, чтобы член торчал из окровавленной дырки на футболке. Получится очень убедительно, – поменяла мнение Нина. – Хотя придется все время держать его в стоячем положении, чтобы он выглядел угрожающе, а это может оказаться не так-то легко в конце октября.

– Может, вернемся к книге? – спросила Дейзи, хихикая, но пытаясь взять себя в руки. – У нас почти закончилось время.

– А ты с кем пойдешь на «Чужих»? – спросила Ванесса Нину.

Нина кивнула на Ли с Лорен:

– С этим неудачницами, плюс Картер.

– Ты с кем-нибудь встречаешься?

Нина отрицательно покачала головой.

Лорен кашлянула:

– Ей нравится парень с квизов, но она слишком трусит к нему подойти.

Нина нахмурилась и покачала головой.

– Он симпатичный, но, скорее всего, не стоит того, чтобы к нему подходить. Слишком много знает о спорте. Наверное, даже не любит читать.

– А для тебя это решающее обстоятельство, – добавила Лорен.

Нина огляделась:

– А разве не для всех?

Лорен покачала головой:

– Не для меня. Хотя я не работаю в книжном, и люди, которые не любят читать, не угрожают моим доходам.

– И не для меня тоже, хотя я работаю в книжном, – сказала Дейзи, заправляя за ухо светлую прядь. – Я не связываюсь с теми, кто не любит животных. Или с девушками, которые остервенело трут руки антисептиком после того, как сходили в общественный туалет. Достаточно воды с мылом. Что они собираются делать после секса, оттирать скрабом все тело или идти на химический пилинг?

– Я не пойду на свидание с мужиком, который в первые два часа после встречи начинает говорить о политике, – сказала Ли. – Раньше это был хороший фильтр, но сейчас все говорят о политике и слишком многие стали отсеиваться. Наверное, нужно смягчить критерии.

– Грубость по отношению к официантам – абсолютное нет, – предложила Ванесса.

– Кепки задом наперед и вообще любые шапки. Терпеть их не могу, – Ли выглядела неумолимой.

– Парни, которые зовут меня по фамилии. Это нормально только для школьного тренера.

– Которые надувают обертки из-под трубочек на людях.

– Которые говорят: «Можно мне?» – как будто это законченное предложение.

– Называют газировку «газиками».

– Просят в ресторане воду безо льда.

– Шепчутся с киской.

Повисло молчание.

– В смысле? – спросила Лорен.

Ванесса вспыхнула.

– Ну, знаете, когда мужик, так сказать, опускается вниз и начинает говорить что-то вроде: «Привет, красотка. Тебе нравится, правда, детка?» Только разговаривает он не с тобой, а с ней... Тебе хочется думать, что мужику интересна ты, а оказывается, что он только пытается подобраться к твоей более горячей подружке.

– Ты ревнуешь к собственной вагине?

Ванесса покраснела, как помидор.

– Нет, но если у вас есть мысли по ее поводу, можете сказать мне, и я передам. Мы – один человек.

Секунду женщины молча таращились на нее, потом Нина сказала:

– Знаете, чего я терпеть не могу? Когда мужики считают, что все женщины боятся пауков. Или мышей. Или змей.

– А я – мужиков, которые любят «Звездный путь» и не любят «Звездные войны», или наоборот. Как будто это такие уж разные вещи. Или которые любят только оригинальный «Звездный путь».

– Или на полном серьезе используют слово «канон» в разговоре о комиксах.

– Эй, может, вернемся к личной жизни Нины, а потом к книге, которую мы должны обсуждать? – предложила Дейзи, которой хотелось придерживаться расписания.

– Нет у меня никакой личной жизни. Я не могу встречаться с парнем, который не любит читать. О чем мне с ним разговаривать? – возмутилась Нина, тоже готовая вернуться к книге.

– А я думаю, что хорошо встречаться с людьми, которые живут в реальном мире, – вставила Ванесса, все еще красная после тирады о шепчущихся с киской парнях. – Представляете, в прошлом году я встречалась с парнем, который мог сам повесить картину.

– Правда? – удивилась Лорен.

– Да. Он даже сам менял себе масло.

– Оливковое или машинное?

– Машинное. Он умел готовить. У него была собака, которую он научил всяким трюкам. Крутым трюкам, типа подпрыгнуть с его спины и поймать фрисби.

– Но он не читал? – заинтересовалась Нина.

Ванесса кивнула:

– Да. Ему слишком нравился активный отдых. Не любил слишком долго сидеть на одном месте, понимаете?

– И это вам не мешало?

Ванесса кивнула, внезапно погрузившись в грусть:

– Да. Его не волновало, что я не очень люблю активный отдых. Он просто занимался тем, чем хотел, пока я читала, и все было хорошо.

Повисло молчание, потом Ли задала очевидный вопрос:

– Так почему вы расстались?

Ванесса пожала плечами:

– Он бросил меня и стал встречаться с инструкторшей по фитнесу, которая участвовала в соревнованиях, где нужно преодолевать эти безумные препятствия.

Тишина.

– Она могла забраться по канатной стенке за восемь секунд.

Тишина.

– Наверняка у нее не было воображения, – утешающе сказала Нина.

– Да, – ответила Ванесса. – Вернемся к книге?

Так они и поступили. Ведь, как сказал Нил Гейман, «книги все-таки безопаснее людей»¹⁰.

* * *

Когда Нина после собрания вернулась домой, на электронной почте ее ждало письмо от Питера Рейнольдса.

«Привет, – так оно начиналось. – Знаю, это звучит нелепо, но я твой племянник и до недавнего времени мы понятия не имели о существовании друг друга. Прости, что так получилось. Саркасян подумал, что я могу помочь тебе разобраться в семье, которую ты унаследовала, и я, конечно, рад попробовать. Как насчет встретиться за кофе? Дай знать, если ты согласна. Твой маленький племянник Питер, ха-ха».

Нина долго смотрела на письмо. Ей необязательно было на него отвечать. В ее жизни все было под контролем, она не нуждалась в дополнительных сложностях. Хотя вдруг в ее новой семье есть кто-то, кто увлекается спортом и поможет ей уделать «квизшебников»? И почему ее так волнует этот парень, этот высокий симпатичный придурок? Она решила, что друзья по клубу правы: она ведет себя по отношению к нему в духе Элизабет Беннет¹¹. Плевать на него, – сказала она себе твердо. – Меня он нисколько не интересует. К тому же у меня и так забот полный рот.

«Дорогой Питер, – написала она. – Должна признать, что немного шокирована всем этим и не совсем понимаю, что происходит. Возможно, мне не мешает помощь того, кто разбирается в ситуации. Вот мой номер. Напиши мне в пятницу в обеденный перерыв, если тебя устраивает. С любовью, тетя Нина, что даже на письме выглядит смешно!» Она добавила смайлик, чтобы он знал, что она шутит, и нажала на «отправить».

Видите? Она вовсе не вспоминает об этом парне. Сосредоточена исключительно на более важных вещах. Совсем о нем не думает. И о его руках тоже. Нисколько!

¹⁰ Цитата из романа Нила Геймана «Океан в конце дороги».

¹¹ Главная героиня романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

Глава 6

в которой Нина чувствует, что не одна, но необязательно в хорошем смысле

Питер Рейнольдс и Нина договорились пообедать в Музее искусств округа Лос-Анджелес, художественном музее, расположенном посередине бульвара Уилшир. Он находился прямо возле Смоляных ям, где среди заполненного смолой котлована увязли пугающие модели мамонтов в натуральную величину. Нина помнила, как в детстве стояла у ограждения вокруг котлована, страдая из-за мамонтенка. Он (или она – определить пол мамонта с расстояния пятнадцать метров сложно даже другим мамонтам, не только людям) стоял у края пруда, паникуя, оттого что его родителей настигла какая-то проблема, которую он не мог осознать. Нина была ребенком с богатым воображением и слишком развитой способностью к сопереживанию, поэтому после нескольких посещений, закончившихся слезами, няня Луиза перестала ее приводить.

– Это всего лишь модели, детка, – объясняла она. – Они ненастоящие.

– Знаю, – прорыдала Нина. – Но могли бы быть настоящими, разве нет? Мамонты действительно увязали в смоле. Поэтому мы находим их кости, правильно?

Луиза кивнула.

– Ну вот, – плакала Нина. – Это модель, но это могло произойти и в реальной жизни. Реальный мамоненок мог целыми днями смотреть, как его родители увязают и умирают от голода, потому что не могут выбраться. Они все повторяли ему, чтобы он ушел поискать еды или где-нибудь спрятаться, а он отвечал: «Нет, мамочка, вылезай из смолы». Она твердила ему, что не может, и плакала, и он тоже плакал. Или, может быть, его съел какой-нибудь мерзкий динозавр, а его мама ничем не могла помочь, и это было ужасно...

И тогда Луиза, решившая, что не стоит сейчас объяснять, что динозавры и мамонты жили в разное время, поняла, что это действительно было бы ужасно, и ей тоже не хотелось больше смотреть на Смоляные ямы.

Такое происходило с Ниной постоянно: вымышленные персонажи были для нее не менее реальными, чем люди, которых она встречала и с которыми контактировала каждый день. В конце концов она стала более толстокожей и научилась воспринимать литературу критически, но все еще иногда плакала на концовках, и счастливых, и грустных. Некоторые книги произвели на нее просто неизгладимое впечатление. Лиз никогда не позволяла ей забыть, как однажды, рассказывая сюжет «Цветов для Элджернона», она разрыдалась посреди магазина. Хотя Нина и не нуждалась в напоминаниях...

На встречу с Питером Рейнольдсом она явилась чуть раньше времени и заняла столик, за которым могла следить за дверью. Попивая кофе, она наблюдала за входящими людьми. Каждый новоприбывший был подвержен тщательному осмотру на предмет знакомых жестов или походки, но, конечно, своего настоящего племянника она проглядела. Он приблизился к ее столу с широкой улыбкой на лице.

– Божечки, ты, должно быть, Нина! У нас одинаковые волосы! – он казался таким же счастливым, как ребенок, открывший пачку карточек с покемонами и обнаруживший среди них свою любимую.

Нина вытаращилась на него. Он был очень высоким и красивым, а его твидовый пиджак с темной водолазкой наводили на слово «рафинированный». Однако он подметил верно: его волосы были такого же цвета, как у нее, только более стильно подстрижены.

Она кивнула и начала подниматься. Он замахал на нее.

– Не вставай. Я шел пешком от Ла Бри и, если сейчас не сяду, то упаду. Нужно больше упражняться, – он улыбнулся и, сев, протянул ей руку через стол. – Питер Рейнольдс, твой великолепный племянник-гей, как бы странно это ни звучало.

Нина пожала ему руку, улыбаясь в ответ. Ей всегда нравилась компания геев, поэтому приятно было узнать, что у нее, оказывается, есть такой родственник.

– А я – Нина, твоя одинокая гетеросексуальная тетя, что кажется невероятным.

– То, что ты одинокая, или то, что гетеросексуальна?

– То, что я – твоя тетя.

Он поднял руки:

– Но именно это проще всего объяснить. Со своей гетеросексуальностью ты, конечно, ничего поделать не можешь. А одиночество, скорее всего, твой собственный выбор, потому что ты очень красивая. Или у тебя ужасный характер?

– Отвратительный, – сказала Нина.

– Ну, тогда тебе придется поработать над ним, чтобы мы стали друзьями, потому что я совершенно не терплю несносных людей.

– Я тоже.

Это, казалось, привело его в восторг.

– Очередное сходство! Здорово! Удивительная вещь – генетика.

Нина потянулась к своему кофе:

– Не хочешь ли ты что-нибудь съесть? Мы все-таки в кафе.

– Конечно! – воскликнул он. – Я совсем забыл от воодушевления. Сейчас вернусь.

Он поднялся и отправился за едой. Нина смотрела, как он очаровывает девушку на кассе, пожилых супругов-туристов, стоящих за ним в очереди, и ждущего кого-то парня, тоже, предположительно, гея. В отличие от нее, в Питере было что-то... открытое. Нина поймала себя на том, что улыбается ему, когда он вернулся.

– Ты тоже воодушевлена? – поинтересовался он и обхватил себя руками. – Я просто в восторге. Когда Сарки позвонил, я подумал, что наступило Рождество. Ты точно попадешь в мой учебный план.

– Сарки? Ты имеешь в виду Саркасяна, поверенного?

– Да, мы его так называем.

– Вы часто его видите?

– Чаше, чем ты можешь подумать. Боюсь, ты унаследовала очень запутанное семейство. Ты поела? Тебе потребуются все твои умственные ресурсы.

– О, – слабо сказала Нина и потянулась к кофе. – Я была не голодна.

– Вот, съешь половину моего панини. Целый никому не нужен, – он огляделся и заметил парня, который улыбнулся ему ранее. – Кажется, ты ему приглянулась.

– Нет. Ему приглянулся ты, – ответила Нина, взяла у него половинку сэндвича и откусила кусок. По подбородку потекло песто, и Питер протянул ей салфетку.

– Вовсе нет, но это не имеет значения. Я занят.

Нина хихикнула:

– Правда?

Питер кивнул:

– Я помолвлен.

– Как старомодно с твоей стороны!

– Вот в чем штука, – сказал ее племянник. – Я старик в молодом и, признаем, сногшибательном теле. Я родился пятидесятишестилетним. Мне очень трудно было быть ребенком, а потом подростком. Я терпеть не мог свой возраст. Только сейчас я чувствую, что становлюсь тем, кем должен быть, а именно профессором средних лет, с заплатками на локтях, преподающим антропологию.

Нина посмотрела на его пиджак и подняла брови.

Он скорчил рожу.

– Хорошо, на этом пиджаке их нет, но я могу найти тот, на котором есть, или пришить заплатки к этому, или еще что-нибудь придумать. Суть не в этом, я ношу заплатки на локтях все время, даже когда я голый, выражаясь метафорически, – сказал он, пожимая плечами. – Но я на самом деле профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, и возраст у меня правильный, мне тридцать три. Еще не в самом расцвете, но уже близок.

Внезапно на его лице отразилось беспокойство.

– Ты понимаешь, о чем я говорю, или мои слова кажутся тебе бредом?

Нина покачала головой:

– Нет, я прекрасно понимаю. Мне и самой кажется, что я должна была родиться в XIX веке или в Англии до Первой мировой. Носить чайное платье с завышенной талией, сидеть у окна и смотреть на проезжающие кареты.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать девять. Я твоя тетя, но я младше тебя, как это возможно?

Питер посмотрел на нее долгим взглядом, потом нахмурился:

– Когда у тебя день рождения?

– 30 июня.

Он присвистнул:

– Вот блин. Это все усложняет.

Нагнувшись, он стал копаться в большом коричневом кожаном портфеле, которым явно пользовался ежедневно. Наконец он нашел, что искал, и развернул это на столе – длинный заламинированный листок бумаги, покрытый какой-то схемой. Очень запутанной.

– Ты это заламинировал? – спросила Нина. Не то что бы ей не нравился ламинатор – нравился, и она сама часто ламинировала случайные кусочки красивой ткани или бумаги, чтобы использовать как закладки. – Такие ровные края.

– Спасибо. Никто еще не замечал мои края.

– Очень красивые края, – Нина улыбнулась. – Но я все еще не понимаю, зачем ты это заламинировал... Что это?

На лице Питера появилось удивленное выражение.

– Это мы. То есть наша семья. Я это заламинировал, чтобы использовать на лекциях, как образец построения диаграммы родства.

– Диаграммы родства?

– На Западе мы называем это семейным деревом, но во многих культурах степени родства простираются далеко за пределы ближнего круга родственников.

– Ага, – сказала Нина, не зная, что еще ответить.

– Однако, – сказал Питер, указывая на отдельные пункты схемы, – эта диаграмма довольно поверхностная, но при этом обширная, что делает ее интересной.

Заметив озадаченное выражение ее лица, он продолжил:

– Не исключено, что только для меня. В нашей семье очень много матримониальных связей, поэтому она может послужить хорошим примером того, как влияет на отношения между людьми изменение юридического статуса. Или, возможно, не влияет.

Он явно говорил серьезно, но потом посмотрел на нее и ухмыльнулся.

– А теперь мне придется все переделывать, чтобы добавить тебя, и даже хорошо, что ты незаконнорожденная, без обид. Я смогу использовать пунктирную линию!

– Я не обижаюсь. Можешь просто обрисовать мне картину в целом? Я все еще не понимаю все эти семейные связи, – объяснила Нина, жалея, что не взяла блокнот. – Мне сложно во все это поверить.

Питер кивнул, допивая кофе, и сказал:

– Понимаю. Наверное, у тебя был шок.

Он достал из сумки маркер.

– Я пользуюсь такими же, – отметила Нина. – Они гораздо меньше текут.

– Это правда, и я поверить не могу, что мы это обсуждаем. Представь, мы подружились бы, даже если бы не были родственниками. Хотя бы потому, что разделяем любовь к качественным канцелярским принадлежностям.

Он наклонился вперед и ткнул маркером в верхний край схемы.

– Итак, наверху у нас Уильям, а здесь, слева направо, три его жены. Главная причина того, что у нас такая большая семья, в том, что первый раз он женился в двадцать лет, а последний – в шестьдесят. От каждого брака у него есть дети, а большие промежутки времени между браками, понятное дело, означают, что успело родиться три поколения.

Нина понятия не имела, о чем он говорит, но кивнула:

– Ясное дело.

Питер окинул ее проницательным взглядом, явно привыкший, что студенты притворяются, будто его понимают.

– Вот, попробуй так. Иногда помогает.

Он придвинул к ней чистый листок бумаги и передал ручку. Она была марки «FriXion», с удовольствием заметила Нина, а потом ей стало слегка неловко, что она обратила на это внимание.

– Напиши наверху «Уильям» и проведи горизонтальную черту на всю страницу.

Она сделала, что он сказал.

– Теперь слева направо, через промежутки, напиши «Элис», потом «Рози», потом имя твоей мамы – как, кстати, ее зовут?

– Кэндис.

– Ясно, – он сделал пометку на заламинированной схеме, высунув от радости кончик языка, как маленький ребенок. – И наконец «Элиза». Готово? – он взглянул на ее листок и кивнул. – О'кей, теперь проведи под их именами еще одну горизонтальную черту и поставь слева большую единицу.

Нина так и сделала, чувствуя себя увереннее теперь, когда она работала с бумагой.

– Мне нравится твой почерк, – сказал Питер. – Итак, под Элис напиши «Бекки» и «Кэтрин». Под Рози напиши «Арчи». Под Кэндис напиши «Нина», а под Элизой – «Милли». Потом проведи еще одну горизонтальную черту.

Он откинулся на стуле и шумно выдохнул.

– Это твоё поколение. Твой брат и сестры, от самой старшей, моей мамы Бекки, которой пятьдесят девять, до самой младшей, Милли, которой десять.

Нина выпучила глаза:

– Да ладно?!

– Серьезно.

– Но... как такое возможно?

Питер философски пожал плечами.

– Это возможно, потому что мужчины могут становиться отцами до самой глубокой старости. По какой-то причине, которую уже не так легко объяснить, твой отец настолько очаровывал женщин, что три из них согласились выйти за него замуж и как минимум еще одна – с ним переспать. Хотя, – добавил он рассудительно, – я знал его стариком, а в молодости он был очень красив.

Нина сухо сказала:

– Полагаю, моя мать была не единственной.

Питер кивнул, а потом даже немного посерьезнел:

– Полагаю, ты права, но пока что ты – единственный внебрачный ребенок, о котором мы знаем. Но вот в чем проблема: Арчи тридцать, он родился в январе.

Нина посмотрела на него с недоумением:

– И что?

– То есть ты родилась, когда твой отец все еще был женат на его маме. Более того, если исходить из твоего дня рождения, Уильям переспал с твоей мамой, когда его жена Роза была беременна Арчи.

– О.

Мама была права. А говорила, что ничего не помнит.

Питер кивнул:

– Вот-вот. И Роза, к сожалению, умерла. От рака. Лет десять назад. Считалось, что они с Уильямом были по-настоящему счастливы вместе, она любовь всей его жизни, и, если бы она не умерла, они остались бы в браке и завели еще детей, так что это большая трагедия. А теперь оказывается, что он ей изменял, и у нас есть живое доказательство. Ты.

– Класс.

– Да, – сказал Питер. – Не знаю, как к этому отнесется Арчи, но мы ничего не можем изменить.

Нина промолчала.

– Продолжим? – спросил Питер. – Осталось два поколения.

Она кивнула:

– Подожди, я только возьму себе кофе и, может, какое-нибудь пирожное.

– Превосходная идея. Захвати мне что-нибудь калорийное, хорошо?

Нина встала и пошла к кассе. В ней появилось какое-то новое чувство, которому она не могла дать названия. Она повернулась и посмотрела на Питера, который, улыбаясь чему-то, печатал сообщение в телефоне. Он уже ей очень нравился, но не так, как когда гадают, станет ли человек новым другом, а... она не знала, как. Заказала еще два латте и два шоколадных эклера.

– О, отличный выбор! Я вижу, генетика все еще работает в нашу пользу. Нет ничего – ничего! – такого, что нельзя улучшить, покрыв шоколадной глазурью.

Нина кивнула и внезапно поняла, что это было за чувство. Их с Питером связывало родство. У нее никогда раньше не было родственника, кроме мамы, но Кэндис так и не прониклась этой ролью. Да, если бы они с Питером возненавидели друг друга с первого взгляда, было бы отвратительно, но она знала, что они уже связаны навсегда. Не было никаких сложностей, потенциального влечения, временного лимита. Это были отношения, которые она могла понять и на которые могла положиться. Она чувствовала себя... расслабленно. Что, конечно, ее слегка беспокоило. Ведь не должно же быть, чтобы кто-то вот так просто нравился, верно?

– Продолжим? – она отчеркнула имена и поставила сбоку большую двойку.

– Какая из тебя замечательная студентка, – сказал Питер, дожевывая кусок эклера. – Итак, Бекки родила Дженнифер, а потом меня, Питера, – он махнул в свою сторону, хотя их разделяло меньше метра. – Кэтрин родила Лидию, что можно считать поразительным достижением, потому что у тети Кэтрин тот еще характер. Не удивлюсь, если она съела своего мужа: он как будто испарился. Если верить маме, сегодня он еще был на месте, а на следующий день исчез, оставив все свои принадлежности и ключи от машины.

– Это странно.

– Да, – последовала пауза. – Но он забрал собаку.

Нина кивнула:

– Значит, все-таки жив.

Питер продолжил:

– Моя бабушка Элис – ходячий кошмар. Она выглядит как мисс Хэвишем, знаешь, из Диккенса, но разговаривает как нечто из фильма Коппола. Моя мама замечательная, что доказывает, что генетика – это еще не все. А тетя Кэтрин остается агрессивной маньячкой в нелепой одежде.

– Вау, не сдерживайся. Скажи все, что думаешь.

– Сама увидишь. Моя сестра, Дженнифер – потрясающая. Ты ее полюбишь. А моя двоюродная сестра, Лидия, – просто дьявол в человеческом облике, несмотря на свою гениальность. Или, наоборот, из-за своей гениальности. Она не так ужасна, как ее мать, но, скажем так, с ней трудно иметь дело. Ладно, вернемся к схеме. У нас впереди годы, чтобы рассказать обо всех подробнее, – заверил он и слизнул с пальцев остатки шоколада. – Но запомни, не приближайся к моей бабушке без зеркального щита. Один прямой взгляд, и ты превратишься в камень.

– Черт.

– Это правда. Ладно, продолжим. Проведи еще одну черту и поставь три.

Нина выполнила его указания.

Питер наклонил голову, чтобы взглянуть на ее лист.

– Ты точно смогла бы у меня учиться. О'кей, мы почти закончили. Ты дошла до моей группы: я, моя сестра, Лидия и Генри, сынок Арчи, ему два. Больше ни у кого детей нет, поэтому с племянниками на этом покончено.

– Здорово, – Нина отодвинула листок, но Питер придвинул его обратно.

– О нет, это еще не все. Нужна еще одна графа. У меня детей нет, но у моей старшей сестры Дженнифер их трое: Элис Младшая, ДжоДжо и Луи. Они почти подростки, и они – пам-парам! – твои внучатые племянники.

Нина посмотрела на него.

– Подожди, я что, чья-то двоюродная бабушка Нина?

Питер засмеялся.

– Да. Ты их двоюродная бабушка Нина. Что было бы очень забавно, если бы у них уже не было двоюродного дедушки Арчи и двоюродной бабушки Милли, которая младше их. И вот это уже необычно, даже для меня, – резюмировал он, ткнув в нее пальцем на схеме, потом отодвинул тарелку с чашкой и принялся сворачивать свою схему. – У меня больше нет сил. Зайдем в сувенирный магазин? Я слышал, у них продаются такие старомодные карандаши, где в одном корпусе все цвета, один над другим.

Так они и поступили.

Закончив с покупками, Питер с Ниной обнялись и Нина отправилась домой. Она чувствовала тревогу из-за наличия брата, который, возможно, на нее злится, и боялась, что непреднамеренно разрушила чью-то жизнь. Это было самое неловкое положение, в которое ей доводилось попадать, а она хорошо знала, что это такое. По сравнению с этой неловкостью бледнел ее прошлый рекорд – тот раз, когда она, направляясь на свадьбу подруги, зашла случайно не в ту синагогу (Бет-ЕЛ и Бет-АМ, оказывается, не одно и то же) и вместо свадьбы угодила на бармицву, сорвав ритуал. Она чувствовала себя сбитой с панталыку, по любимому выражению Лиз, будто миллионы голосов внезапно вскричали... нет, погодите, это из «Звездных войн». Ей казалось, будто ей пересадили сердце. Будто ее родной орган, который всегда ровно бился в груди, лишь изредка замирая («здравствуйте, Майкл Фассбендер»), заменили другим, не до конца прижившимся.

Нина рассказала об этом коту Филу, и тот пришел в ужас.

– Твой папа не Ричард Чемберлен из «Поющих в терновнике»?

Она погладила его по голове и покачала своей.

– И не частный детектив Магнум?¹²

Нина посмотрела на стену. Конечно, Фил ничего этого не говорил, потому что он кот, а коты не умеют разговаривать, но его голос в ее голове перечислял воображаемых отцов. У нее на стене висела фотография каждого – дань и их замечательной игре в телесериалах, и мечтам маленькой девочки с богатым воображением, какой она когда-то была. Там были упомянутые выше, а еще командер Райкер¹³, чье настоящее имя она никак не могла... Нет, подождите, Джонатан Фрейкс – Брюс Уиллис (из «Детективного агентства «Лунный свет»», а не «Крепкого орешка»), Алан Алда из «Чертовой службы в госпитале МЭШ»¹⁴ и ее любимец Марк Хэрмон из «Сент-Элсвера»¹⁵, хотя там его персонаж умирает от СПИДа, что было неприятно. Для нее, а не для него.

Все детство Нины телевизор был ее вторым лучшим другом после книг, и она смотрела то же, что и няня Луиза, то есть в основном сериалы 70-х и 80-х, не считая «Звездного пути: Следующего поколения», потому что Луиза была яркой фанаткой франшизы. Ей даже нравился «Дальний космос девять».

Нине было лет десять, когда в ее голове зародилась идея, что кто-нибудь из этих персонажей мог быть ее отцом, и игра началась. Во всяком случае, ей нравилось называть это игрой, потому что иначе тратить столько усилий на расследование того, находились ли в момент ее зачатия потенциальные отцы в Лос-Анджелесе, казалось странным. Убедившись в том, что ответ положительный, она вырезала их фотографию и клала в специальную коробочку. На какое-то время коробка пап стала ее главной ценностью, ведь в детстве Нину часто одолевала тревога, и ей приходилось сидеть на полу и предаваться мечтам о том, что находится за кругом ее повседневной жизни.

Нельзя сказать, что ее повседневная жизнь была ужасной: она не добывала рыбу во льдах Берингова пролива и не доставала припой из выброшенных электрических приборов своими крошечными детскими пальчиками, но иногда даже просто пройти по школьному коридору было тяжелым испытанием. Она часто паниковала и до сих пор помнила, как однажды Луиза позвонила маме и долго разговаривала с ней об этом приглушенным голосом. Потом она повесила трубку, повернулась и сообщила Нине, что мама велела ей дышать в бумажный пакет, пока не пройдет. Потом она заплакала – Нина, не Луиза, – и Луиза стала укачивать ее на коленях, а несколько дней спустя купила ламинатор и заламинировала отцов. Нина стала каждый день брать кого-нибудь из них в школу по очереди, чтобы никому было не обидно, но речь сейчас не об этом. А о том, что никто из этих остроумных, обходительных и добрых мужчин не был ее отцом. Им был какой-то чувак, по описанию напоминавший последнюю скотину.

Фил напомнил, что дети не виноваты в грехах отцов, на что Нина ответила, что яблочко от яблони недалеко падает, после чего они вместе заснули на диване. Это был сложный день.

¹² Персонаж одноименного американского сериала 1980-х годов.

¹³ Персонаж из «Звездного пути».

¹⁴ Американский сериал 1972–1983 годов.

¹⁵ Американский сериал 1980-х годов.

Глава 7

в которой Нина встречает брата

Как это часто с ней бывало, Лиз больше всего привлекли детали.

– То есть ты – незаконнорожденное дитя, которое перевернет с ног на голову все, что они знали о своей жизни?

Нина кивнула:

– Боюсь, что так. Но я же не нарочно.

– Конечно, не нарочно, но как часто выпадает возможность побыть Джоном Сноу?

– Хочешь сказать, я ничего не знаю?

– Думаю, это всегда было так, и твоя незаконнорожденность не имеет к этому никакого отношения, – она улыбнулась. – Но может, ты унаследовала миллион баксов, и мы сможем заплатить Мефистофелю, – она ткнула в Нину пальцем. – Вдруг ты как маленький лорд Фаунтлерой. В книгах персонажи всегда наследуют целое состояние.

– И это плохо заканчивается. Вспомни Чарли Кейна из «Гражданина Кейна». Или Изабеллу Арчер из «Женского портрета».

Лиз пожалала плечами.

– Ты забываешь о семье величайших наследников всех времен из сериала «Деревенщина из Беверли-Хиллз». Жизнь Элли Мэй Клэмпетт была полна радости. Радости и клетчатых рубашек, – дополнила Лиз и осмотрела Нину с ног до головы. – Ты бы справилась.

Нина спросила:

– Мы действительно должны мистеру Меффо миллион баксов?

Она надеялась, что нет: она горячо любила свою работу в магазине. Да и все в нем.

Лиз покачала головой:

– Нет, просто у меня такое ощущение.

Было еще очень рано. Магазин уже открылся, но из посетителей пока что зашел только живущий по соседству парень с каким-то отклонением в развитии. Его звали Джим, у него была славная улыбка, и он часто часами зависал в отделе естествознания, разглядывая картинки животных. Все на бульваре его узнавали, ждали его появления и здоровались с ним. Насколько было известно Нине, он считал себя принцем, периодически прогуливающимся по своим владениям, чтобы проведать крестьян.

Дверь открылась, и в магазин зашла Полли. Повернувшись к ней, Лиз нахмурилась:

– Добрый день, Полли.

Та ухмыльнулась.

– Лиз, еще только полдевятого. В магазине пусто, если не считать вас и Джима. А Джим бывает здесь так часто, что если вдруг набегит слишком много покупателей, чего никогда не случается, то он сможет меня подменить.

Лиз цокнула языком, но позволила Полли подойти и демонстративно себя обнять, после чего отошла, пряча улыбку. Полли была еще одной незамужней девицей, работавшей в магазинчике «У рыцаря», хотя в отношении нее эта характеристика звучала не так точно, как в отношении Нины. Полли была актрисой. Она устроилась в «У рыцаря», желая поддержать свою страсть к кино, которое любила смотреть впридачу к тому, чтобы в нем сниматься.

Полли приехала в Лос-Анджелес, когда ей было девятнадцать, красивая девушка, очень харизматичная и еще более талантливая, полная больших надежд, и все последующие десять лет ей чуть-чуть не хватало, чтобы добиться успеха. Если бы ее вообще никуда не брали, то, возможно, она бы уже сдалась и была довольна, что просто попробовала. Однако, как и тысячу ей подобных, Полли периодически приглашали сняться в рекламе или в пилотной серии. Она

постоянно ходила на прослушивания, после которых ей перезванивали и даже просили «быть доступной» (это значило, что она прошла предварительный кастинг и ей нужно освободить свое расписание на день, пока создатели делают решающий выбор между ней и еще двумя-тремя девушками). Именно этот редкий успех вызывает зависимость. Все время кажется, что прорыв неминуем, что вот-вот что-то произойдет. В тусклых промежутках между вспышками надежды проходит жизнь.

Полли работала в «У рыцаря» чуть больше года, и они с Ниной подружились, хотя Полли никогда ничего не читала и знала сюжеты только по фильмам. Она понятия не имела о существовании в «Гарри Поттере» полтергейста Пивза и о том, что Людо Бэгмен – это не бренд чемоданов, потому что эти персонажи не попали в фильмы. Будучи любительницей драмы, Полли прониклась к неожиданным семейным обстоятельствам Нины живейшим интересом.

– Боже, ты должна написать сценарий! – громко засмеялась она. – Хотя мало кому захочется делить экранное время со столькими людьми. Придется урезать список действующих лиц.

– Но вся суть в их многочислии, – сухо ответила Нина. – Или многочисленности?

– Их очень много, – кивнула Полли.

– Да. Я познакомилась только с одним, но он офигенный.

Она рассказала Полли о Питере.

– Повезло тебе. Мне пришлось занимать родственника-гея у соседей, – заметила Полли и почувствовала, что ее глаза увлажнились. – Он ходил со мной по магазинам, когда я готовилась к выпускному.

Тут ей в голову неожиданно пришла другая мысль.

– Слушай, а среди них случайно нет красивых неженатых мужчин?

– Понятия не имею. Нужно спросить у Питера и свериться со схемой.

– Есть даже схема?

Нина кивнула:

– Заламинированная.

– Но ты хоть отца-то погуглила? – поинтересовалась Полли и не дожидаясь ответа, достала телефон и приступила к делу. Нина хорошо ее знала, поэтому продолжила распаковывать книги, поступившие утром. Не было смысла говорить Полли, что она уже все посмотрела, тем более что Полли искала со скоростью молнии.

Ее терпение было вознаграждено.

– Вау, – произнесла Полли с видом персонажа из кино, который наконец-то сложил кусочки происходящего вместе, после того как его неспособность сделать это привела либо к комическому недоразумению, либо к смертельной угрозе. – Уильям Рейнольдс, твой отец, был настоящим завсегдатаем светских тусовок.

Нина кивнула:

– Отсюда три жены.

– И, возможно, бесконечное количество подружек?

Нина подняла руки, в каждой из которых было по книге.

– Наверняка мы не знаем, но скорее всего.

– И есть доказательство.

– Которое сидит перед тобой на полу.

Полли повернула телефон экраном к Нине.

– Кстати, вот последняя жена. Та, что считается вдовой, – добавила она и задумалась. – А вот интересно, если умер твой бывший муж, означает ли это, что ты теперь бывшая вдова?

– Сомневаюсь, – ответила Нина, разглядывая фотографию на телефоне Полли. – Как ее зовут? Не могу отсюда прочитать. Я знаю, нужно было запомнить схему.

– Элиза, – ответила Полли. И прочитала: – Уильям и Элиза Рейнольдсы посетили... бла-бла-бла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.